

На правах рукописи

Тамразова Илона Геннадьевна

**ЭРИСТИКА КАК КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ
ДЕВИАНТНОЙ ДИСКУРСИВНОЙ РИТОРИКИ**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени доктора
филологических наук

Майкоп 2021

Работа выполнена на кафедре иностранных языков ФГАОУ ВО
«Московский политехнический университет»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Алферов Александр Владимирович

Официальные оппоненты: **Серебrenникова** Евгения Федоровна,
доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», профессор кафедры романо-германской филологии Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации

Фанян Нелли Юрьевна доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», профессор кафедры французской филологии

Фененко Наталия Александровна, доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», профессор кафедры французской филологии

Ведущая организация: **ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (г. Красноярск)**

Защита состоится 26 ноября 2021 года в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.001.09 по филологическим наукам при ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, конференц-зал.

С текстом диссертации можно ознакомиться в научной библиотеке им. Д.А. Ашхамафа ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 260 и на сайте университета: adygnet.ru/nauka/aspirantura-doktorantura-dissertatsionnyesovety/dissertation/3599/

Автореферат разослан « ____ » _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Е.А. Богданова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое исследование выполнено в русле дискурсивной риторики в сопоставлении универсальных и идиоэтнических особенностей реализации речевой агональности и языковой трансгрессии.

Эристика, порицаемая Аристотелем как агональная составляющая софистической риторики («О софистических опровержениях» [Аристотель 1978б]), представленная А. Шопенгауэром как особый способ мышления и рассуждения (*эристическая диалектика*), часто рассматривается исключительно как «техника победы в споре порицаемыми средствами» [Базылев 2015; Павлова 1991; Рузавин 1997], как проявление некорректного, неэтичного речевого поведения, агрессивного диалога, коммуникативного прессинга [Зайцев 2016а,б]. Такая узкая интерпретация эристики ограничивает её эвристический потенциал как особой антропологической – философской, психологической и интеракциональной категории [Кондаков 1998; 2002; 2017], как проявления особого когнитивного стиля [Асмолов 1996; Холодная 2004; Шкуратова 1994; Шюц 2004], речевой тональности [Карасик 2007; Матвеева 2011; Тупикова 2017] и особой речевой компетенции [Сковородников 2014; Нумес 1972]. Поэтому в современных исследованиях эристика «изучается в разных аспектах: историко-риторическом (приёмы ведения спора, полемики), философско-культурологическом (особенности активно-критического восприятия действительности в определённых общественно-значимых коммуникативных практиках), дискурсивно-прагматическом (различные виды речевого воздействия, характеризующиеся конфронтацией)» [Копнина 2014; тж. Тамразова 2009].

Эта триединая перспектива репрезентации эристики и «эристического в речи» дополняется предлагаемым в работе когнитивно-семиотическим подходом, выявляющим взаимосвязь мышления и интенциональности с эристическим семиозисом – процессом порождения речезыкового знака, обусловленного эристической интерпретантой (ср. [Болдырев 2011; Демьянков 1989; Peirce 2000]).

В коммуникативно-функциональном плане мы рассматриваем речезыковую эристику как неконвенциональное отношение адресанта (говорящего) ко всем составляющим коммуникативного акта – референту (трансгрессивное содержание), адресату (провокация, патернализм, скепсис, вызов), форме контакта (невежливость, эпатаж, насмешка, ирония), речезыковой форме сообщения (остранение, аномальность кода) и *неконвенциональной интерпретации* рецептируемого речезыкового знака (ср. [Якобсон 1972]).

Общая методологическая перспектива исследования воплощается в предлагаемой *концепции дискурсивной риторики*, коррелирующей с «дискурсивной стилистикой» (Г.Г. Хазагеров), дисциплиной, использующей эристику античной риторики в современных реалиях, «занятие которой стало бы не только лингвистическим исследованием, но и филологической деятельностью» [Хазагеров 2014: 127]. Мы рассматриваем эристику как

функциональный кластер риторики, 1) освещающий все формы риторической агональности и речезыковой трансгрессии (ср. [Foster 2018; Gouldner 1965]); 2) объединяющий систему средств выражения противоречия: разногласия и нарушения нормы (аномалий) (ср. «Contest System» [Gouldner 1965]). Эристические виды речи – дискуссии, бытовые конфликтные диалоги (ссоры), споры, возражения в обыденной и институциональной интеракции, эристические нарративы в литературно-художественных формах – вовсе не так «девиантны» и «маргинальны», как это может показаться с позиций конвенциональности нормы языка и речевого взаимодействия [Аристотель 1987а,б; Арутюнова 1987; Брюшинкин 2008; Еемеерен 2002], основанной на логическом мышлении, коллективной кооперативности и эмпатии (Г.П. Грайс, Дж. Лич) в силу их социальной и эволюционной необходимости [Tomasello 2003; Zlatev 2014]. Речевой диапазон эристики выходит за рамки речевого конфликта и спора как речевого жанра [Charaudeau 2017: 81]. Социо-психологическая агональность как детерминанта критического мышления и самовыражения ориентируют исследование на выявление трансгрессивной, ненормативной составляющей социальной коммуникации как трансжанровой коммуникативной категории.

Настоящее исследование посвящено описанию феномена эристической агональности и речезыковой трансгрессии (нарушению речезыковых норм) на материале нескольких языков и культур, рассмотрению эристики как речезыковой и культурологической универсалии в её этнолингвистических реализациях.

Современная лингвистика холистически рассматривает системно-структурные и функционально-коммуникативные особенности пространства «языка-речи», включающего в себя знаки – продукты взаимодействия перцептивных, когнитивных и аффективных аспектов психической жизни индивида, погруженного в социально-культурную сферу своего существования [Болдырев 2019]. Этот подход заключается в индивидуализации рассмотрения речевых феноменов, в обращении лингвистики к прагматике неконвенциональных форм общения, к речезыковым явлениям девиантной природы (трансгрессивная прагматика). Презумпцией исследования становится положение о недостаточном проникновении в феномен эристического в языке и речевом поведении, что выводит эристику за рамки узкого понимания как «искусства ведения спора», с одной стороны, и дифференцирует общее представление о речевой агональности и речевой агрессии, с другой стороны. По нашему мнению, термин *эристика* обладает понятийно-инвариантным потенциалом в исследовании и описании диссонансного речевого взаимодействия (когнитивный / речевой конфликт, речевая аномалия, речевая трансгрессия, речевой эпатаж и проч.).

Поэтому исследование эристики (эристического в речи) предполагает рассмотрение когнитивных и речезыковых агональных механизмов социально-коммуникативной системы человека и этноса, что и определяет

онтологическую, эпистемическую и лингвокультурологическую актуальность работы.

Актуальность исследования определяется, таким образом, значимостью для теории языка когнитивно-семиотического подхода в дискурсивно-риторической парадигме, необходимостью обобщения данных полипарадигмальных исследований речевой агональности (трансгрессивная лингвопрагматика) и диссонансного речевого взаимодействия в перспективе дискурсивной риторики как парадигмы, отражающей закономерности речевого взаимодействия и воздействия в полижанровой коммуникации; анализом феномена эристической агональности и речезыковой трансгрессии, внедрением в аргументативный анализ прагма-риторических девиаций в их аспектуально-функциональном диапазоне, разработкой модели структурного проектирования дискурсивной тональности и созданием модели прагмасемантической записи эристической тональности текста-дискурса.

Гипотезой исследования становится положение об *универсальности* и *градуальности* эристических манифестаций в пространстве речевого взаимодействия на концептуально-когнитивном, риторико-стилистическом, дискурсивно-прагматическом, синтактико-дискурсивном и номинативно-лексическом уровнях, реализующихся в социокультурных вариациях речевого поведения.

Эристическое в речи – это совокупность разноуровневых (просодико-фонетических, синтактико-грамматических, лексико-семантических и фразео-идиоматических) средств языка и коммуникативно-прагматических манифестаций (стратегий) речевого поведения, выражающих определённое интенциональное состояние коммуникантов – субъектов речевого взаимодействия.

Эристическая интенциональность реализуется как особый модус (тональность) в пропозициональном (в виде парадокса – *in paradoxum*), интерперсональном (межличностно-конфликтном – *ad hominem*) и дискурсивном (формально-трансгрессивном – *in abnormal*) аспектах речевого взаимодействия [Nehamas 1999]. Понимая любые реализации языка-речи как процесс и результат речевого взаимодействия (интеракции), мы представляем рассматриваемые коммуникативные противоречия и девиации как *речезыковой диссонанс* в субъект-субъектной системе «адресант – адресат». Когнитивно-коммуникативные механизмы речезыковой трансгрессии (нарушение норм) облекаются в типологически определённую дискурсивную форму, представляемую в исследовании как *эристический дискурс* – особый речевой *диапазон* агонального дискурса, *тональность и тип* неконвенционального речевого взаимодействия с характерными хронотопом и интенциональностью.

Степень разработанности темы. Предметных, методологически современных, системных исследований эристики как культурологического и речезыкового феномена (интеракционального и дискурсивного) до сих пор не предпринималось. В рамках исследования функциональной риторики,

исследований общения, теории дискурса существует достаточно много работ, в которых рассматривается прескриптивная нормативность эристического спора [Блажевич 2002; 2005; Винокур 2005; Горбачева 2006; Поварнин 1996], упоминаются в классическом (античном) представлении термины «эристический диалог», «эристический аргумент» и т. п. [Базылев 2015; Белоус 2008; Зайцев 2016; Фролова 2009; Pirie 2006], но без рассмотрения сущностных и функциональных особенностей эристического компонента речи, как например, в [Gauthier 2012]. Тем не менее некоторые сущностные аспекты эристики и агональности так или иначе затрагивались в исследованиях речевой агрессии, речевых аномалий, теории аргументации, теории (не)вежливости, иронии, сарказма и т.д. [Апресян В.Ю. 2003; Апресян Ю.Д. 1995; Арутюнова 1987; Булыгина 1997; Волкова 2014; Воронцова 2006; 2018; Голев 2001; Горностаева 2015; Ершов 2007; Желтухина 2004; Жельвис 2012; 2014; Каштанова 2016; Козинцев 2007а,б; Ларина 2009; 2015; Лохэр, Ларина 2019; Маякова, Раннева 2016; Маяцкий 2020; Паремузашвили 2013; Радбиль 2012; Разинов 2002; Седов 2005; Сейранян 2016; Уолтон 2002; Хазагеров 2002; Шаронов 2004; Шаховский 2008; Шейгал 2009; Щербинина 2006; Alba-Juez 2014; Amossy 2003; 2013; Angenot 2008; Charaudeau 2017; Culpeper 2011; 2017; Eemeren 2009; Sperber 2013; Walton 2016; Watts 2003; Wilson 2009].

Анализ исследований *эристики* в полипарадигмальных межпредметных ракурсах позволил нам в своё время [Тамразова 2009] выявить три концептуальные ипостаси этого речезыкового феномена:

1) историко-риторическая (**эристика-1**) – «спор ради победы» (Платон, Аристотель); «искусство интеллектуального фехтования», «диалектическое противоречие» (А. Шопенгауэр, И.К. Смирнов); приемы ведения спора, полемики, «эристическая компетенция» (С.И. Поварнин, Н.В. Блажевич, Ф.А. Селиванов, А.П. Сковородников и др.).

2) дискурсивно-прагматическая (**эристика-2**) – определённый инвариант асимметричного речевого взаимодействия, характеризующийся:

а) градуальностью проявлений речевой конфронтации и людической манипуляции (насмешка, вызов, ирония, сарказм, инвектива и др.), которые регламентируются институциональными нормами речевых практик [Берн 1996; Дементьев 2010; Степанов 2003; Хейзинга 1997];

б) этномаркированной вариативностью речеповеденческих реализаций в лингвокультурных системах [Демьянков 2001; Тамразова 2009].

3) лингвокультурологическая **эристика-3** – эвристический метод и экспрессивно-коммуникативный стиль [Шкуратова 1994] полифонического, неоднозначного, парадоксального и критического восприятия и отражения действительности посредством определённых трансгрессивных коммуникативных практик (инакомыслие, протест, эстетическая и политическая маргинальность; в литературе – сатира, юмор, раблезианство и "плутовство", "заумь" и т.п.) [Бахтин 1990; Гишинский 2015; Гусейнов 2012; Деррида 1998; Карасик 2011; Киклевич 2014; Козинцев 2010; Кондаков 2002; Кронгауз 2013; Маяцкий 2020; Нефедова 2002; Ницше 1993; Новикова 2010;

Радбильт 2007; Рансьер 2013; Слотердайт 2001; Фрейд 1997; Фромм 1994; Хазагеров 2013; Ostrannenie: 2010].

В работах по риторике и техникам речевого воздействия, а также в специальных словарях, как правило, приводится классическое определение *эристики-1* [Зарецкая 1999; Рекош 2013; Рождественский 1997; Воробьева 2002; Robrieux 1993; Perelman 1983 и др.], за исключением словарной статьи Г.А. Копниной (*эристика-1,2,3*) [Копнина 2014; Сквородников 2014], со ссылкой на нашу работу [Тамразова 2009]. *эристика-3* упоминается в словарных и др. статьях И.В. Кондакова [Кондаков 1998а,б; 2002; 2017], а также в отдельных статьях и диссертациях [Красильникова 2008; Рекош 2013] и нек. др.

Объектом исследования становится эристическое речевое взаимодействие как воплощение категориальной ситуации коммуникативного диссонанса (интерсубъективной асимметрии), нонконформистского, ненормативного речевого поведения, проявляющегося в двух стратегических манифестациях:

– *агональной (полемической) речезыковой интеракции*, направленной на соперничество с партнёром по коммуникации, граничащей и спорадически пересекающейся с речевой агрессией, и

– *аномальной*, направленной на нарушение конвенциональности языкового и речеповеденческого *нормотипа* (нормы и/или стереотипа), характеризуемой как речезыковая трансгрессия (ср. [Батай – эл. рес.; Зенкин 2019; Каштанова 2016; Разинов 2002; Фуко 1994]).

Обе эти стороны коммуникативного диссонанса взаимосвязаны и представлены в работе в двух объектных средах (дискурсивных формациях):

1) в условно-институциональной и институциональной коммуникации (обыденная и институциональная политическая коммуникация) и

2) в аспекте художественного текста, отражающего определённые типические эристические проявления языковой личности – субъекта художественного нарратива, воплощенного в ипостасях автора, персонажа и переводчика. С позиций неориторки эристический дискурс может быть описан как стратегия порождения и восприятия текстов, специфический способ вербального представления мира [Тюпа 2007]. Наиболее точно такое понимание дискурса отражает термин *дискурсивная практика* [Тамразова 2021].

Предметом исследования выступают базовые механизмы *дискурсивной реализации эристической тональности* как совокупности речевых актов и разноуровневых средств их оязыковлениа.

Цель исследования – определение интеракционально-коммуникативного и речезыкового статуса эристики как модели речевого поведения и дискурсивной тональности в рамках когнитивно-семиотической модели дискурсивной риторики, основанной на принципе риторического релятивизма (риторической структуры) и речезыкового реализма (узуальной модели дискурса).

Цель настоящей работы предполагает следующие **задачи**:

1) обосновать перспективы развития дискурсивной эристической риторики – риторики речезыковой трансгрессии и речевого противоречия;

2) представить системное описание эристической тональности дискурса и выявить дискурсивные средства, используемые для реализации эристической интенции коммуникантов в рече-когнитивном взаимодействии;

3) выявить и описать структурную, лингвопрагматическую, социолингвистическую и этнолингвистическую специфику и типологию *эристических интеракционных асимметрий-диссонансов*, возникающих в коммуникативной ситуации;

4) представить эвристический потенциал (значимость) эристического способа мышления и выражения в свете теории речевого взаимодействия, для чего рассмотреть *эристику* в следующих ипостасях:

а) когнитивно-эвристический феномен;

б) intersубъективный тип речевого поведения;

в) коммуникативная (дискурсивная) модальность (тональность);

г) прототипический текстообразующий механизм;

д) генотип дискурсивного жанрового родства (речевой практики);

5) определить интеракционно-коммуникативный и речезыковой статус эристики как речевой категории – речевой стратегии и дискурсивной тональности в институциональной и неконвенциональной межличностной интеракции.

Эристика как многоаспектное явление требует раскрытия и обоснования в **следующих положениях, выносимых на защиту**:

1. Эристика (эристическое в речи) – функциональный диапазон речевого взаимодействия, отражающий противоречие как когнитивную и социопсихологическую категорию коммуникации. Эристическое речевое поведение является по своей природе когнитивно-прагматической категорией, реализуемой механизмами когнитивного и поведенческого (социо-психологического) аспектов в порождении и интерпретации высказывания в рамках речевой интеракции.

2. В онтологии своей эристика опирается на определённый когнитивно-эмоциональный стиль мышления и поведения и имеет семиотическую реализацию в дискурсе, определяющую её план содержания и план выражения. Категория «эристическое в речи» обобщает и структурирует неконвенциональные механизмы формирования субъект-субъектного пространства речевой интеракции, вступая в оппозитивные отношения с лингвистическими интеракционными категориями – релевантности, когерентности, вежливости, политкорректности и т.д., отражая онтологические категории противоречия, несогласия, конфликта, противодействия, трансгрессии, вызова, провокации и т.д.

3. Эристичность речевого поведения градуальна и регламентируется институциональными нормами речевого взаимодействия. Эристичность может рассматриваться как один из параметров когнитивного стиля (языковой) личности.

4. Эристическая интенциональность характеризует как процесс порождения, так и процесс восприятия (интерпретации) речевого произведения. С этой точки зрения можно говорить об эристике продуцента и эристике реципиента, или о *порождающей* и *интерпретирующей* эристике. Интерпретирующая эристика может быть диссонансной по отношению к порождающей высказывание интенции, что рождает коммуникативную асимметрию и диссонанс.

5. Эристика в категориальном осмыслении не тождественна речевой агрессии. Понятийный диапазон эристики не совпадает с объемом традиционно выделяемой категории речевой агрессии, находясь с ней в отношениях логического пересечения. Эристика градуальна и стремится к речевой агрессии как к своему пределу, выступая лишь частично как риторико-семиотический коррелят лингвopsихологической категории речевой агрессии.

6. Эристика как экспрессивное агональное воздействие на адресата нарушает нормы речезыкового выражения (*пафос*), логического рассуждения и аргументации (логос), языка и речевого поведения (этос). Имманентной чертой эристики является речезыковая трансгрессия (нарушение речеповеденческих норм). К эристическим проявлениям относятся целенаправленные реализации риторико-стилистических средств таких, как острота, ирония, сарказм, метафора и др.

7. Системность описания речевой категории «эристического в речи» обеспечивается концептуальным и структурным представлением эристики как когнитивно-семиотической модели агональной дискурсивной риторики, т.е. помещением функционального диапазона эристического в контекст разработки принципов дискурсивной риторики, включающей эристику как область исследования ненормативных (девиантных) форм коммуникации, основанных на принципах узуальной модели языка (*Usage based model*). В риторической структуре текста/дискурса эристика выступает как особое риторическое отношение ВЫЗОВ, фундирующее эристическую тональность дискурса.

8. Эристическая тональность – категория, основанная на риторическом отношении ВЫЗОВ и формирующаяся из гетерогенных средств, создающих эмоционально-аксиологическую структуру устного или письменного высказывания (текста-дискурса), отражающую прямые и косвенные проявления девиантного речевого поведения. Эристическая тональность реализуется в пропозициональном, иллюкутивном, аргументативном, интерперсональном и дискурсивном аспектах речевого взаимодействия.

9. Единицей анализа и базовым структурным элементом эристической тональности является *эристема* – квант интенционально-когнитивного и речевого акта, семиотическая поликодовая дискурсивная единица (знак-тип и знак-употребление), состоящая из разноуровневых речезыковых средств, обеспечивающих процесс порождения и восприятия (интерпретации) интеракционального дискурса. В контексте агонального речевого взаимодействия эристема, помимо локутивного, иллюкутивного и

перлокутивного речеактового воплощения, имеет элокутивное, интенционально-риторическое измерение, включающее *этнос*, *логос* и *пафос* окружающего макроконтекста дискурса-события [Dijk 2008, 2009], и интеракциональное измерение дискурсивной реализации, включающее, в частности, оппозицию инициальной и реактивной векторности (ср. [Белоус 2008; Борисова 2007]), полимодальности (поликодовости), иерархической стратификации (макро-, мезо-, микро- и кванто-эристема) на уровне дискурсного ко- и контекста (ситуации) и др.

10. На основе перечисленных манифестаций «эристического в речи» мы приходим к следующему определению эристики:

Эристика – функционально-прагматическая категория дискурсивной риторики, отражающая агонально-девиантный тип речевого воздействия и взаимодействия, характеризующийся нарушением норм коммуникативного поведения и речезыкового выражения. Проявления эристики обусловлены определённым когнитивным стилем и интенциональностью коммуникантов, реализующимися в особой эристической тональности дискурса в различных речезанровых имплементациях.

Теоретическая база исследования включает работы, внесшие значимый вклад в разработку и степень освещенности поставленной проблемы. «Когнитивный поворот» в дискурсивных исследованиях позволяет представить механизмы образования ментальных и интенциональных схем (моделей) диссонансного речевого взаимодействия. Методологической основой анализа эристического дискурса является дискурсивно-коммуникативный и дискурсивно-когнитивный подходы к изучению системы «языка-речи», выработанные в отечественной и мировой науке о языке. Прежде всего это программные работы когнитивной концепции дискурса Н.Н. Болдырева, В.З. Демьянкова, О.К. Ирисхановой, А.А. Кибрика, Е.С. Кубряковой, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, М.А. Стерниной, Т. Ван Дейка, Д. Спербера и др.; исследования структурно-функциональной дискурсивной парадигмы В.Г. Борботько, М.Л. Макарова, Е.И. Шейгал и др.

Учитывая риторическую специфику воздействующего дискурса, коим является эристический дискурс, генетическую принадлежность термина «эристика» к классической риторической парадигме, исследование опиралось прежде всего на труды, представляющие методологию современной (*нео*)риторики, возрождение которой в середине XX века берет начало в работах Х. Перельмана и продолжается исследованиями льежской Группы неориторики («Группа μ ») [Дюбуа 1986], работами отечественных учёных – теоретиков риторики В.И. Аннушкина, Ю.Н. Варзониной, А.А. Волкова, Е.Н. Зарецкой, Г.А. Копниной, А.К. Михальской, Ю.В. Рождественского, А.П. Сковородникова, Г.Г. Хазагерова и др.

Связанная с неориторической парадигмой *теория аргументации* рассматривает механизмы эффективного речевого воздействия, основанные на прагма-диалектическом подходе к ведению дискуссии, дебатов, диспутов и т.д. [Баранов 1990; Брюшинкин 2008; Еемеерен, Гроотендорст 1994; Ощепкова 2004; Уолтон 2000; Eemeren 2004; Gauthier 2012; Walton 2004],

типологическом рассмотрении логических и дискурсивных ошибок и манипулятивных уловок [Eemeren, Garssen, Meuffels 2009; Lachance 2018; Tindale 2007; Walton 1995].

Эристика, несущая в себе противоречие, нарушения принятой нормы (*трансгрессия* и *девиация*) в языковом, речевом и интерперсональном аспектах речевого поведения, должна рассматриваться как речезыковая *аномалия*, что обращает нас к работам, посвященным языковым аномалиям [Апресян 1990; Булыгина 1997; Кобозева 1990; Радбиль 2012; 2012; François, Larrivée 2013 и др.].

Являясь проявлением определённого типа речевого поведения, типа *языковой личности* (ЯЛ), эристика входит в область интересов исследования лингвосубъективных и этно-социальных особенностей ЯЛ, эмоционального интеллекта [Батурин 2009; Робертс 2004] и коммуникативного поведения, которые стали предметом рассмотрения в работах Ю.Н. Караулова, К.Ф. Седова, И.А. Стернина и др. Коммуникативное поведение является феноменом, производным от этнической и лингвокультурной среды, основам исследования которой посвящены работы А. Вежбицкой, Т.В. Лариной и др. С проблематикой речевого поведения тесно связано исследование проблем эмоционально-аксиологической и антропо-эмотивной лингвистики, ориентированной на проявление социальной и личностной языковой интенциональности (В.И. Карасик, И.А. Стернин, В.И. Шаховский и др.).

Перспективу рассмотрения эристического речевого поведения определяет обращение к дискурсивным исследованиям социокогнитивной направленности (Н.Н. Болдырев, С.Г. Григорьева, Т. ван Дейк, О.К. Ирисханова, А.А. Кибрик и др.).

Прагматическая и интеракциональная социолингвистика уделяет пристальное внимание оживлению противоречий в обществе и постулирует «нормальность» полемического, эристического модуса существования публичной коммуникации в различных дискурсивных формациях (трансдискурсивность) [Maingueneau 2014] и жанрах [Дементьев 2010]. В фокус внимания как отечественной, так и зарубежной лингвистики попадают проблемы речевой агрессии [Воронцова 2006; Седов 2005; 2007 и др.], речевого конфликта [Романов, Романова 2014; Черенков 2011], невежливости в различных её проявлениях [Леонтьев 2011; Ларина 2015], оформляющиеся в отдельные научные направления (лингвоэкология и юрислингвистика, теория (не)вежливости и др.) [Белютина 1988; Гишинский 2015; Голев 2001; Жельвис 2000; 2002; 2012; 2014; Culpeper 2011].

Многообразная лингвистическая тематика, касающаяся проблем когнитивно-речевого конфликта, свидетельствует о многочисленности точек приложения исследований, контаминирующих между собой по принципу дополнительности. В связи с этим возникает, с одной стороны, перспектива обобщения данной тематики с целью выявления глубинных, прототипических, ядерных механизмов речевого противодействия с учётом их реализаций в разных языках и лингвокультурах. С другой стороны, существует опасность эклектики – механистического объединения уже

полученных результатов. Избежать повторения позволяет интегральный подход, систематизирующий отдельные проявления речевого конфликта в синергетически спаянном интеракционном когнитивно-дискурсивном методе [Болдырев 2019; Болдырев, Григорьева 2018; Ирисханова 2014б,в; Кубрякова 2004; Langacker 2013; Zima, Brône 2015], в создании *теории эристической речи* в разрабатываемой нами исследовательской перспективе.

В основу **методологии исследования** ложится **метод дискурсивной интеракционной когнитивной семиотики**, который базируется на идее выявления в дискурсе семиотических единиц, гносеологически более ёмких, чем обычные уровневые единицы языка, так как к их семантике, синтактике и прагматике добавляется интеракционно-дискурсивная составляющая. При этом дискурс и его единица – высказывание и речевой акт – также представляются как семиотические сущности *per se*. В эристическом дискурсе такой единицей становится *эристема* в её интеракционном и текстуальном воплощении.

Цель и задачи исследования потребовали определённого **методологического инструментария (технологии)**. В исследовании были применены: технология выявления типичных контекстов на материале речезыковых корпусов; методика лингвопрагматического сопоставления языковых и речевых средств в ситуации эристического речезыкового поведения; методика комплексного полиаспектного анализа, которая включила ряд частных лингвистических методик и технологий анализа (дистрибутивной и оппозитивной, интерпретативно-имплицативной, типолого-квантитативной и др.).

Научная новизна исследования обусловлена прежде всего обоснованием лингвистического и культурологического статуса феномена эристики. Исследование эристики при этом рассматривается как возможность проникновения в семиотико-структурные и когнитивно-поведенческие механизмы порождения дискурса в речевой интеракции (коммуникации).

Впервые эристема тематизируется как модальность (тональность) риторического воздействия, лингвопрагматическая категория, определяющая рече-когнитивную идентичность субъекта коммуникации. Впервые онтологическая объективность категории эристического дискурса рассматривается как речезыковая универсалия в её этнокультурной вариативности на материале различных лингвокультур.

Новизна исследования определяется самой постановкой проблемы: впервые в риторике и дискурсивной лингвистике эристема рассматривается как категория, отражающая трансгрессивную интенцию говорящего направленную на нарушение норм речевой интеракции.

Будучи универсальной коммуникативно-прагматической категорией, эристическое в речи структурируется в системе особых разноуровневых языковых и речевых форм на материале различных лингвокультур. В работе представлена структурно-функциональная модель эристической дискурсивной тональности, базирующаяся на когнитивно-риторическом

отношении ВЫЗОВ, проявляющемся как особый интенционально-интерпретативный тип в риторической структуре дискурса и текста. Впервые в русле когнитивно-риторического подхода разработана структурно-функциональная модель эристической дискурсивной тональности, базирующейся на когнитивно-риторическом отношении «вызов», проявляющемся как особый интенционально-интерпретативный тип в риторической структуре дискурса и текста. Впервые в лингвистической теории происходит обращение к системному исследованию эристической речи как функциональному кластеру дискурсивной риторики и эристического отношения как составляющей риторической структуры дискурса. В работе закладываются перспективы разработки дискурсивной риторики на основе принципа и методологии речезыкового реализма (Usage based model).

Научная новизна диссертации определяется следующими полученными лично автором практическими и теоретическими результатами:

1) выведена модульная модель эристики как составляющей интеракциональной дискурсивной риторики;

2) установлена градуальная корреляция речезыковых манифестаций эристики и вербальной агрессии;

3) представлено – с позиций основных когнитивных и семиотических механизмов дискурсивных практик – формирование эристической ментальности и эристического речевого поведения;

4) установлен функциональный статус эристического отношения «вызов» в риторической структуре дискурса и текста;

5) разработаны принципы прагмасемантической записи для фиксации и обработки (анализа) эристической дискурсивной тональности в разножанровых текстах;

6) на материале русского, французского и английского языков смоделирован способ экспликации социокультурных эристических контекстов в виде иерархически структурированной модели эристической тональности, описана его специфика;

7) разработан и описан метод анализа эристической дискурсивной тональности в риторической структуре разножанрового дискурса и текста;

8) представлена структура эристической дискурсивной тональности с разработанной типологией эристических разноуровневых и поликодовых (в том числе жестовых) единиц (эристе́м).

В работе внедрены и обоснованы новые методолого-теоретические категории, понятия и термины, такие как *дискурсивная риторика*, *эристический дискурс*; *эристическая тональность*; *эристе́ма – единица эристического дискурса*, *делокутивная эристе́ма*, *риторическое отношение «вызов»* и др.

Теоретическая значимость исследования состоит в выдвижении концепции дискурсивной риторики, в частности, риторики речеповеденческих и речезыковых девиаций. В работе на основе когнитивно-семиотического подхода представлена системная модель

эристической коммуникации и риторическая структура эристического дискурса, интенциональной и экспрессивной доминантой которого выступает эристическая тональность. В методологию анализа институционального и художественного дискурсов внедрена когнитивная перспектива дискурсивно-риторического метода: получила развитие теория дискурсивной тональности, теория когнитивно-риторических структур и модель узуального речезыкового реализма; осуществлено иерархическое структурное проектирование эристической дискурсивной тональности; внедрен в конструирование аргументативных схем динамический анализ прагматориторических девиаций, их аспектуально-функциональный анализ, а также создана модель прагмасемантической записи структуры и динамики эристической тональности полижанрового текста-дискурса.

Практическая значимость исследования состоит в том, что материал и результаты анализа можно использовать в дальнейшем исследовании когнитивно-семиотических агональных форм в разных языках, в типологических и характерологических исследованиях речевого агонального (эристического) общения в конфронтационном и людическом диапазоне с выявлением коррелятивных средств выражения, а также при разработке курсов риторики и стилистики, сопоставительной типологии английского, французского и русского языков, коммуникативной грамматики. Дидактическая значимость исследования состоит в возможности применения результатов исследования в развитии навыков и техник критического мышления и эристической компетенции – развитию ораторского искусства и методологии убеждающего воздействия.

Материалом исследования послужил созданный автором в период с 2007 по 2021 год корпус объёмом более 15000 релевантных (эристических) контекстов, зафиксированных в трех медийных форматах:

– вербальные (скрипты) и полимодальные транскрипции видеозаписей политических интеракций, в частности, встреч французских политиков с избирателями в период президентских кампаний во Франции (1974 –2018гг.), включающих скрипты 7 предвыборных теледебатов (Giscard d’Estaing – François Mitterrand, 1974; 1981; François Mitterrand – Jacques Chirac, 1988; Jacques Chirac – Lionel Jospin, 1995; Ségolène Royal – Nicolas Sarkozy, 2007; François Hollande – Nicolas Sarkozy, 2012 ; Marine Le Pen – Emanuel Macron, 2017) в объеме 860 минут (более 14 часов) видеозаписи и скриптов в объеме более 600 страниц (А4, кегль 14 TNR), содержащих около 1500 эристических реплик и речевых обменов (контекстов);

– транскрипции и видеоряд американского телесериала «Доктор Хаус» («House, MD»), включающий 177 серий: в объеме 7608 минут (126,8 часов) видео и скрипты в объеме 5310 страниц (А4, кегль 12 TNR), содержащие около 120 000 реплик, из которых выделено около 5000 эристических реплик и речевых обменов. Этому объему соответствует параллельный корпус сертифицированного профессионального перевода (телекомпания «Lost Film») и непрофессионального перевода – скрипты и переводы интернет-пользователей (более 140 тематических фан-сайтов);

– параллельный корпус по произведениям французской и русской художественной литературы в их коррелятивных переводах (около 8500 эристических контекстов).

Апробация положений и выводов исследования осуществлялась в форме докладов на Международной научной конференции «Актуальные достижения европейской науки» (Прага, 2012), Международной конференции «Новейшие научные достижения-2012» (Прага, 2012), Международном конгрессе по когнитивной лингвистике (Санкт-Петербург, 2015), II Международной научной конференции «Современные проблемы языкознания, литературоведения, межкультурной коммуникации и лингводидактики» (Белгород, 2016), Международной научной конференции «Актуальные проблемы истории, философии и языкознания» (Москва, 2017), X Международной научной конференции «Индустрия перевода» (Пермь, 2018), XII Международной конференции «Профессиональное лингвообразование» (Нижний Новгород, 2018), Международной научной конференции «Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация» (Екатеринбург, 2018), Международной научной конференции «Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы» (Казань, 2018), Международной научно-практической конференции «Языковая картина мира в зеркале перевода» (Воронеж, 2018; 2020), XVI и XVII Международном лингвистическом семинаре «Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий» (Донецк, 2018; 2019; 2020), XXII Международной научной конференции «Медиариторика и современная культура общения: наука – практика – обучение» (Москва, 2019), XVI Березинских чтениях «Языковое бытие человека и этноса» (Москва, 2019), XIX Международном симпозиуме по психолингвистике и теории коммуникации (Москва, 2019), Международной научной конференции «Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы» (Москва, 2019), Международной конференции «Гуманитарное знание и ответы на вызовы XXI века: когнитивно-дискурсивные стратегии» Международного форума «Гуманитарные чтения РГГУ-2019» (Москва, 2019), Международной научной конференции «Образ/имидж как категория теории коммуникации, антропологии культуры и семиотики текста» (Ольштын, Польша, 2019), Всероссийской научной конференции «Взаимодействие мыслительных и языковых структур: Собрание научной школы»: ИЯ РАН–РАЛК–ТГУ (Тамбов, 2020), IV Международной научно-практической конференции «Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура» (Москва, РУДН, 2020), Международной научно-практической конференции «Аутентичный диалог России и франкофонного мира в пространстве культуры, языка, литературы» (Москва, МГЛУ, 2020), Международной научной конференции по когнитивной лингвистике «Язык и мышление в эпоху глобальных перемен» (Москва – Н. Новгород, 2021).

По теме проводимого исследования опубликовано 64 работы общим объемом 68 п.л., в том числе, помимо тезисов докладов (4,9 п.л.), 2

монографии (40,7 п.л.), 19 статей в изданиях, рекомендованных ВАК (10,2 п.л.), 20 статей в научных журналах и сборниках научных трудов (общим объемом 12,2 п.л.).

Структура диссертации. Работа состоит из Введения, 5 глав и Заключения. В Первой главе раскрывается риторическая сущность эристики и её концептуализация в античной философии, рассматривается философское воплощение эристической эвристики в работах А. Шопенгауэра, Ф. Ницше и философии постструктурализма. Вторая глава посвящена функциональному полю эристики: от ядерного концептуального пространства спора до размытой трансжанровой периферии, объединяемой онтологической и психолингвистической категорией агональности, которая дифференцируется в динамическом соотношении категорий эристики и речевой агрессии. В Третьей главе постулируется структурно-функциональная концепция дискурсивной риторики и её раздела – агональной (эристической) риторики, фундируемой категорией эристической дискурсивной тональности и структурной иерархией элементов её базовой интеракциональной и текстуальной единицы – эристы. Четвертая глава посвящена практическому исследованию политической эристики в плане сопоставления ее проявлений в разных лингвокультурах. Пятая глава представляет анализ функционирования эристики в художественном тексте и переводе. Рассматривается лакунарность проявлений речевой эристики на материале русского и французского языков.

В Заключении подводятся итоги и намечаются возможные пути дальнейшего исследования речевой эристики.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *Введении* определяются объект и предмет исследования, обосновываются его актуальность и методологическая основа, формулируются цель и задачи исследования, излагаются положения, выносимые на защиту, отмечаются новизна, теоретическая значимость и практическая ценность, описываются материал исследования и методы его изучения.

В *Главе I «Эристика: историко-философские универсалии»* рассматривается внутренняя форма термина, дается определение эристики как категории античной риторики и модуса речевого взаимодействия.

Основателями эристического метода стали софисты, среди которых главное место занимает *Протагор* из Абдер (ок. 492 – ок. 422 вв. до н.э.). Протагор первым ввел термин «эристика». В основе эристики лежал скепсис (сомнение) в отношении как к истине (релятивизм), так и к собеседнику и аудитории (скепсис). Зародившаяся в Античности *философская эристика* как доведенное до кризиса и конфликта софистическое противоречие несло в себе гуманитарный заряд творческого неподчинения догме или норме (doxa). Античная эристика досократиков как процесс диалогического «противоречия» стала предтечей диалектического противоречия, которое, представляется как динамичное отношение взаимоотношающихся и

взаимоисключающих противоположностей, как представление в одном и том же процессе взаимоисключающих тенденций, свойств, когда «любая противоположность становится таковой лишь в сложном отношении с другой “своей стороной”» [Смирнов 2012: 30]. Провозглашаемые софистами скептицизм и антропоцентрический реализм противоречили социальным устоям эллинистического полиса. Поэтому в концепциях античной Троицы (Сократ, Платон, Аристотель) эристика представлялась манерой убеждения, основанной не столько на доказательной аргументации (диалектика) или пространственных рассуждениях (софистика), сколько на точечно направленных конфронтационных (агональных) приёмах (уловках) «одержания победы» над оппонентом [Perelman, Olbrechts-Tyteca 1983]. Если Диалектика, как пишет М. Фуко, «подменила постановку под вопрос бытия/существа (l'être) и его предела игрой противоречия и тотальности», то эристическая трансгрессия совершает обратный ход – это «такая форма мысли, где вопрошание о пределе приходит на смену поискам тотальности и жест трансгрессии заменяет собой процесс противоречий» [Фуко 1994: 118-119].

Главная черта философской эристики нового времени – её глубокий антропологизм, унаследованный от античной эристики-софики («Человек – мера всех вещей»). Главным аргументом «эристической диалектики» (А. Шопенгауэр) становится принцип *ad hominem* в его методологической амбивалентности. «Сильное оппонирование», по мнению Шопенгауэра, предполагает отклонение от предмета полемики «посредством смещения акцента на самого оппонента» (*ad personam*). А. Шопенгауэр находит истоки эристического поведения в психоэмоциональной природе человека спорящего. Он подчёркивает идеализм концепции Аристотеля о «правильной» диалектике. По мнению Шопенгауэра, вступающие во взаимодействия индивидуумы не являются носителями единого «чистого разума» («когитального сознания»), подстраиваемого «под вещь» (объективную действительность). Не совпадение «отражений» и не априорный консенсус «общего видения вещи» движут диалектикой, а движет ею индивидуальность картины мира каждого из участников диалогического обмена. «Разница в зарядах рождает ток». Этот интеракциональный когнитивизм «Эристической диалектики» Шопенгауэра предвосхищает современные когнитивные исследования «глубоких разногласий» [Hamby 2014]. Эристическое зерно диалектики Артура Шопенгауэра проросло в работах его последователей – Фридриха Ницше и Мартина Хайдеггера.

Ирония Ницше проявляется в литературности его философствования. Доводя до крайности свои афористические «принципы не-кооперации» («*Падающего толкни*», «*Когда идешь к женщине, бери с собой плетку*» и т.д.), Ницше провоцирует своего адресата. В его обращении к читателю всегда звучит **вызов** – эта главная *тональность эристики*: провокация как проверка интеллектуальной адекватности абсурда как абсолютной логики (Зазеркалья).

Вслед за Хайдеггером вся парадигма *постструктурализма* – это выражение философского релятивизма и скептицизма, «эпистемологического

сомнения», «являющегося по своей сути теоретической реакцией на позитивистские представления о природе человеческого знания» [Ильин 1996: 4]. Сама идея *деконструкции* – разрушения традиционной центростремительной структуры – представляется как попытка «свести с ума» (Ж. Делёз) предшествующий «тоталитарный» структурализм [Косиков 2000], что делает главными интеллектуальными эристическими концептами постмодернизма *агностицизм, децентризм, вопрошание и смех* (иронию, сарказм) [Козинцев 2013].

Эристический **план выражения** философии постмодернизма в виде языковых девиаций («означающее») пронизывает эристичность **формы плана содержания** (парадоксальное «означаемое»). Постмодернизм (как и русский модернизм и авангардизм) – это вызов всему: логике, рационализму, наконец, самому языку (ср. [Киклевич 2018; Кондаков 1998]). План содержания эристики постструктурализма проявляется в философии М. Фуко. В его анализе «Запрета и Трансгрессии» Ж. Батая присутствуют три основных бинарных эристических содержания, развитие которых в значительной степени формирует суть философии эристического: 1) «Безумство и Инаковость»; 2) «Власть и Сексуальность»; 3) «Трансгрессия как форма бытия» [Фуко 1994].

Анализируя Батая, Фуко называет его тексты «афористичными», как бы подчёркивая связь между ним и его кумиром – Ф. Ницше. Афористичность плана выражения неотъемлема от остроумия и экспрессивно-фасцинативного способа его выражения. Остроумие и смех как эристический вызов канонам и нормам письма и жанра, как трансцендентная трансгрессия [Фаритов 2015], возвышающаяся над противоречием, есть непременно обрамление высокого интеллектуального стиля. Как в философии, так и в дружеской беседе.

Реальное межличностное общение гораздо чаще свидетельствует об инаковости («différance» у Ж. Дерриды) и противоположностях, нежели наоборот. Эристика пронизывает человеческий диалог. По мнению М. Анжено, эристика в большей мере свойственна живому, естественному диалогу: «Протагор <отец эристики> формулировал теорию диалога, разворачивающегося на уровне людей» [Angenot 2008: 57]. Таким образом, диалогичность и агональность античной культуры пропитывала не только риторику как искусство (*tēchne*), но и развивающуюся в новом времени философию скепсиса и агональности. Некоторые ученые рассматривают древнегреческий *Agôn* как первую институциональную систему противоречия (“The Greek Contest System”), что делает возможным существование «Агональной риторики», или исследований агональных форм как раздела риторики (a contest-system of rhetoric) [Foster 2018; Gouldner 1965].

Опираясь на анализ античных диалогов [Платон 1990; Aristotle 1991] и исследования, освещающие их эпистемическую значимость [Angenot 2008; Arnett 2008; Nehamas 1999; Foster 2018; Gouldner 1965; Lachance 2018; Walton 1992; 1993; Wilkinson 2013; Yankelovich 1999], можно выделить инвариантные черты когнитивного стиля софистико-эристической

диалогии: философская рефлексия, антропоцентризм и обращение к собственной идентичности; эвристическая спонтанность (конструирование новых смыслов); свобода (выражение скептицизма по отношению к принятым нормам); относительность знания (понимание как интерпретация); «диалогический монологизм» (стремление к доминированию в рассуждении и аргументации); агональность (сопоставительность); лингвопрагматический релятивизм (игра словами, имплицитность-косвенность); «эпистемическая бдительность» [Sperber 2012; 2013] (скепсис по отношению к оппоненту и аудитории); образность и эстетическая формальная эманация (проявление высшего смысла в яркой форме, эпатаж, фасцинация); игровой и психотерапевтический эффект остроумия, смешного (Г.Г. Гадамер, Ж. Лакан, З. Фрейд, Й. Хейзинга); аргументативно-дидактическая ценность персуазивной «эристической компетенции» [Сковородников 2014; Conti 2013], воспитание творческой активности, «утверждения автономного мнения и передачи эстетического опыта» [Краснопольская 2005: 9].

В *Главе 2* рассматривается «*Функциональный диапазон эристики*», ядерным элементом которого выступает СПОР. Анализ наиболее значимых исследований спора проводится по трем параметрам: типология спора, мотивация спора и технологии (стратегии) агональности. Общим и краеугольным положением большинства исследований (С.И. Поварнин, Е.Н. Горбачёва, А.В. Зайцев, А.А. Панкратова и др.) является то, что спор рассматривается как речевой жанр или речевое событие, состоящее из более или менее типологизированных речевых действий, представленных как «стратагемы» (планируемые стратегии и тактики). Всякая типология спора чревата условностями, которые основаны на идее структурной нормативности аргументативных и персуазивных стратегий (В.Н. Брюшинкин, Ф.Х. ван Еемерен, Р. Гроотендорст, А.В. Зайцев, А.А. Ивин, С.И. Поварнин, Д. Уолтон). Однако, категорически отвергая эристику Шопенгауэра («где можно, там лучше не пачкаться в грязи»), С.И. Поварнин, тем не менее, прослеживает градуальную нисходящую типологию от «высокого стиля» спора к «более низким», что доказывает отсутствие непроницаемых границ внутри классической триады «диалектика–софистика–эристика» в том случае, когда речь идет о реальном, а не нормативно-идеальном речевом взаимодействии – споре с учетом динамики социального контекста, мотивированности и интенциональности коммуникантов. Д. Уолтон, создав свою типологию диалогов, в которую входит и эристический диалог, вынужден был вводить всё новые и новые подтипы и под-подтипы диалогов, которые постоянно возникают внутри речевого взаимодействия. Он рассматривает эристический диалог и как софистический, и как диалектический [Walton 1993], определяя его как такой вид диалога, который обуславливает высокий уровень сопоставительности и конкурентоспособности, где каждый участник пытается создать впечатление наиболее умного и умелого спорщика [Walton 1995].

В нашем понимании спор (эристика) – это прежде всего противоречие и «противо-речие» – *контроверзия*, имеющая трансцендентальный,

полижанровый и трансжанровый характер (ср. [Charaudeau 2017]). К такому пониманию ближе всего стоит концепция А.П. Сковородникова, который включает *эристическую компетенцию* в базовые культурно-речевые компетенции [Сковородников 2014: 8, 226] и рассматривает её как составляющую широкой коммуникативно-речевой компетенции: «знание типичных барьеров общения, конфликтогенных ситуаций, «приёмов речевой манипуляции сознанием и поведением людей (для обеспечения личной и коллективной информационной безопасности), умение противостоять манипулятивному воздействию в бытовой и идеологической сферах общения» [Там же: 226]. Эристическая компетенция как навык «эпистемической бдительности» (Д. Спербер) и критического отношения к информации и её источнику – это условие *sine qua non* современной жизни. Её отсутствие граничит с наивностью, излишней доверчивостью, наконец, с глупостью. Очень важно, что Е.Н. Зарецкая в своих работах вносит интенционально-эмоциональный фактор в анализ софистико-эристического спора. Вторя Шопенгауэру, она подразделяет психологические барьеры между антагонистами на **смысловые** (*ad rem*) и **коммуникативно-психологические** (*ad hominem*): «Смысловые возникают из-за нарушения законов логики. Коммуникативные – из-за непонимания природы и психологии общения людей, сущности процессов их восприятия и взаимодействия и, наконец, из-за неприятия действительности» [Зарецкая 2006].

Нормативно-этический принцип дифференциации спора практически нивелируется на когнитивно-концептуальном уровне, где, как показали Дж. Лакофф и М. Джонсон, даже академический рациональный СПОР «осмысляется и ведётся в терминах ВОЙНЫ» [Лакофф, Джонсон 2008: 99]. «Хотя приёмы запугивания, угрозы, ссылки на авторитет и т.д. формулируются, может быть, в более изысканных выражениях, они точно так же присутствуют в рациональной аргументации, как и в повседневном споре и войне» [Там же: 100].

Очевидно, именно эта концептуальная метафора приводит многих исследователей к отождествлению агональности и речевой агрессии.

Как показывает анализ лингвистической литературы, почти любое нарушение эмпатии в общении и многообразие проявлений речевого противодействия (конфликта) в отечественной, да и в зарубежной лингвистике чаще всего обозначаются как «речевая / вербальная агрессия». Однако очевидно также, что в совокупности этих многочисленных работ проявления «речевой агрессии» чрезвычайно разнообразны и по экспрессивности, и по направленности / ненаправленности на прямого / косвенного адресата и т.д. Причём широта определяемого в существующих работах функционального диапазона агрессии такова, что включает формы пограничные и даже выходящие за рамки её базового определения.

В некоторых исследованиях появляются понятия и термины-«тяни-толкаи»: «невраждебная агрессия» [Седов 2011], «квазиагрессия» [Воронцова 2018] и даже «неаутентичная речевая агрессия» [Габдрафикова 2018],

«“положительная” завуалированная агрессивность» [Ратмайр 2003], наряду с более «прозрачными»: «игровая агрессия», «ритуальная», «имплицитная речевая агрессия» [Апресян 2003]. На другом полюсе выделяется «сверхсильная речевая агрессия», направленная на «уничтожение объекта негативации» [Сковородников 2019: 16].

В нашей концепции контекстуальная интенциональность общения представляется не как бинарная оппозиция – кооперативность vs конфронтация (агрессия), – а как скалярное категориальное пространство взаимодействия социолингвистической гармонии и агональности. Эмпатийная гармония нарушается внешним или внутренним противоречием («политические» интересы – когнитивный диссонанс), ведущим к речевому противодействию.

В целом обобщенную модель интерперсонального континуума речевой интеракции можно представить следующей схемой (Рис. 1). На рисунке в зоне пересечения ЭМПАТИИ и ЭРИСТИКИ находится *людическая эристика* (см. ниже) – дружеская пикировка, ирония, «стёб» и т.д. Эти речевые стратегии, угрожая «позитивному лицу» адресата, сохраняют запас «эмпатической прочности», обусловленной общими знаниями и ассонансом «внутренних релевантностей» собеседников [Шюц 2004].

С другой стороны поля – в агональной его части – эристика пересекается с (речевой) агрессией (аргументы *ad hominem*). Если речевая агрессия по определению (напр., [Сковородников 2019]), как правило, интенционально деструктивна, – эристика, в нашей трактовке, может быть конструктивна по своей телеологии [Lachance 2018].

Рис. 1. Категориально-функциональное поле эристики

Можно выделить характерные черты эристической когнитивно-речевой стратегии, состоящей из интенциональной и речеактовой ипостасей:

- 1) эгоцентризм и пренебрежение интересами партнера (ср. «центрированный тип личности» – [Седов 2008]);
- 2) «экспатия» – девалоризация и дискредитация партнёра;
- 3) патернализм, властность;
- 4) априорное отрицание (когнитивное предубеждение [Haselton 2006]);
- 5) эмоциональная и экспрессивная фасцинативность;
- 6) вызов (угроза «позитивному лицу» адресата);

7) юмор и речезыковая трансгрессия – нарушение норм аргументативных (рациональных), этических (растабуированность) и речезыковых (косвенность, тропеичность, языковая игра и т.д.);

8) негативный речезыковой диапазон (паравербалика, лексические и грамматические коннотации, эристические метафоры, коллокации, сниженные или ненормативные номинации и т.п.);

9) дискурсивная контракция – совокупность речевых действий (тактик), составляющих речевое противодействие;

10) повышенный интеллектуальный уровень интеракционального фрейма (имплицитность, метафоричность, интертекстуальность);

11) театральность («коммуникативный троп» [Kerbrat-Orecchioni 2008]) и др.

Таким образом, будучи агональной (контрадикторной [Ершов 2007] и даже антагонистической), эристика стремится к агрессии (в прямом смысле этого термина) и к речевой эмпатии (мимезису) как к своим полюсам – противоположным пределам. Направленная на адресата агрессия есть крайнее, эксцессивное проявление эристики. Людическая (притворная) эристика есть уход от агрессии, миметическая (эмпатийная) и паллиативная (мейотическая) речевая стратегия. Функциональный диапазон эристики занимает ту промежуточную нишу между двумя полюсами, которую в рамках теории (не)вежливости Р. Уотс называет «политичным поведением» (уместным, социально приемлемым – “*politic behaviour*”) [Watts 2003: 19]. Степень эристичности (агональности < агрессивности) может меняться соответственно обстоятельствам. Таким образом, **агональность эристики градуальна и стремится к речевой агрессии как к своему пределу**. Вырабатывается некий *габитус*, в терминах П. Бурдьё, то есть оптимальный когнитивный *скрипт* мышления бдительного и «готового парировать» интеллекта. Мы имеем дело с категориями, представленными П. Бурдьё в понятиях символической власти (“*symbolic power*”) и символического насилия (“*symbolic violence*”) (см., напр., [Bourdieu 1992]).

Следуя теории (не)вежливости [Ларина 2009; Culpeper 2017a], интерперсональная организация речевого взаимодействия состоит из трех измерений:

1) расстояние (D) – это симметричное социальное измерение сходства/различия между говорящим и слушающим. Обоюдное проявление эмпатии («позитивного лица») является симптомом социальной близости и наоборот.

2) относительная власть (P) говорящего/слушающего над собеседником является асимметричным социальным измерением. Это степень, в которой участник может навязать свои планы и самооценку.

3) степень импозиции (R) относится к *ранжированию ролей* («позитивных и негативных лиц») в соответствии со степенью, в которой они влияют на потребности коммуникантов в конкретной культуре и ситуации общения.

Асимметрия и диссонанс в символических «властно-правовых» отношениях между коммуникантами (см. Рис. 2) распределяются градуально по двум векторам: сверху вниз – патернализм, назидательность; снизу вверх – вызов, насмешка, провокация:

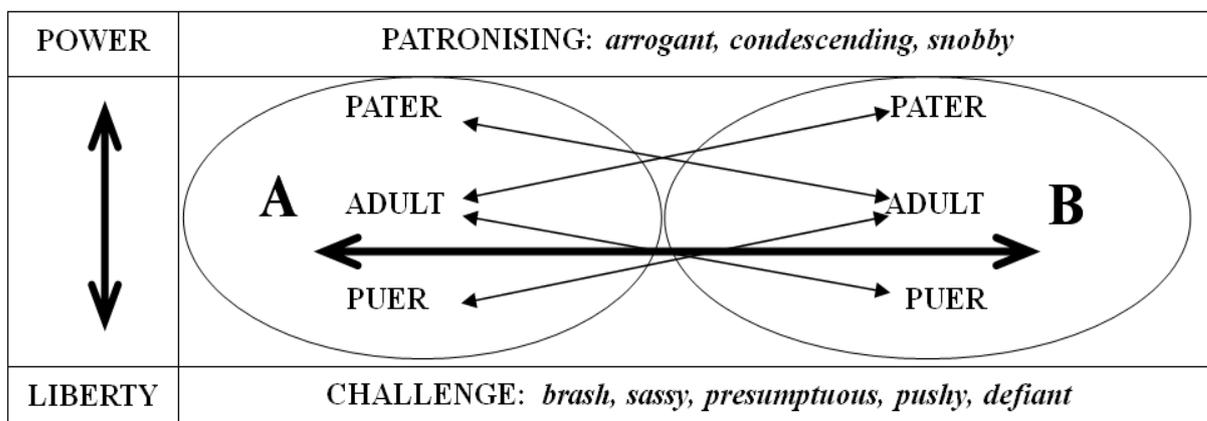

Рис. 2. Динамическая модель эристики в поведенческом фреймгабитусе

Представленная схема демонстрирует основной вектор эристического отношения в коммуникации (по вертикали) – иерархичность властных отношений: сверху – высокомерие, снисходительность, снобизм; снизу – дерзость, вызов, бесцеремонность, насмешливость и т.п. По теории Э. Берна, асимметрия в интенциональных позициях (перекрещенные векторы) приводит к интерперсональным конфликтам в речевой интеракции: такие психолингвистические проявления позиции PUER, как юмор, кокетство, ирония и т.д., могут быть восприняты с пониманием и подхвачены в предлагаемой игре как отношения PUER–PATER или PUER–PUER, а могут быть отвергнуты как неуместные – с позиции ADULT [Берн 1996]. Тогда корреляты эристической агональной интеракции будут представлены как интеракциональные эристы (пересекающиеся транзакции, по Э. Берну):

PUER – ADULT / ADULT – PUER;
PATER – ADULT / ADULT – PATER.

Эристичность во взаимодействии «Взрослый – Взрослый» – это институционально-психологическая агональность, вызванная предвзятостью когнитивных установок (*cognitive bias*), расхождением во «внутренних релеванностях» коммуникантов [Шюц 2004]. Конфликты пересечения – это когнитивный, но прежде всего речеповеденческий диссонанс – нарушение ожиданий в согласовании доречевых и речевых этосов коммуникантов.

В случае людической эристики, когда игра принимается, перекрещивающиеся транзакции (конфликт) уступают место интерперсональным неконфликтным интеракциям (PUER–PATER; PUER–PUER; PATER–PATER). Собеседники принимают предлагаемый формат общения без обид и конфликтного поведения. Шифтингом для такого интеллектуального переключения является чувство юмора, развитый эмоциональный интеллект (эмпатия, понимание, прощение и т.п.).

Отличие эристической тональности от речевой агрессии состоит в превалировании *эмоционального интеллекта* [Батурин 2009; Brackett 2004; Castro 2012; Matthews 2002], сдерживающего деструктивные проявления интер- и интракогнитивного диссонанса. Эристика является проявлением *эпистемической бдительности*: сомнение в качестве (правдивости, релевантности и т.д.) информации, её источника и / или аудитории, рождает реакцию – внешнюю или внутреннюю, – которая объективируется в определённых речезыковых манифестациях [Sperber 2010]. Эти эристические знаки полимодальны (мимика, тембр, ударение, взгляд, жесты и т.д. – см. ниже) и проявляются в различной степени эксплицитности (остенсии). Все они суть проявления эристической интенциональности (порождающей и интерпретативной).

Главными манифестациями *людической эристики* выступают остроумие, юмор, ирония, сарказм, насмешка (ёрничание), подтрунивание (banter) и т.д. [Бахтин 1990; Разинов 2002; Карасик 2012; Козинцев 2013; Сальмон 2008; Слотердаjk 2001; Фрейд 1997; Alba-Juez 2014; Knauer 2001; Leech 1983; McDonald 2000; Taylor 2015; Thielemann 2020; Wilson 2013; Yus 2016].

В *Главе 3 «Эристика как категория дискурсивной риторики»* осуществляется построение теоретической модели эристики как категории и кластера дискурсивной риторики, основанной на 1) *принципе структурного релятивизма* (эристика как отношение в риторической структуре текста-дискурса, согласно *Теории риторической структуры* – Rhetorical Structure Theory [Mann, Thompson 1988] – далее – ТРС) и 2) *принципе речезыкового реализма* («узуальной модели языка» – *Usage-based model* [Diessel 2019; Langacker 1988]). Такой подход обеспечивает системность описания речевой категории эристики и позволяет рассматривать функциональный диапазон «эристического в речи» в контексте разработки принципов дискурсивной риторики, включающей эристику как область исследования ненормативных (девиантных) форм коммуникации.

Эристика как проявление интенциональности говорящего (автора) создает ещё одно интенциональное отношение, *определяемое нами* как **ВЫЗОВ** (Challenge). Как и другие типы отношений, ВЫЗОВ, входя в макроструктуру КОНТРАСТ и логически пересекаясь с ядерной структурой АНТИТЕЗИС [Mann 1987], может реализоваться либо как *nucleus* – ядерная структура (стратегическая цель), либо как *satellite* – сопутствующая структура (тактическая цель) (ср. [Mann 1987; 1988]). Например, отношение АНТИТЕЗИС предполагает контраст между ядерным и сопутствующим элементом, один из которых рассматривается интерпретатором как очевидно позитивный (*positive regard*). Этот элемент является ядерным, и этот выбор заложен интенцией автора. Читатель должен понять интенцию автора и определить ядерный позитивный элемент [Mann 1987].

Мы постулируем, что риторическое отношение ВЫЗОВ предполагает неочевидность выбора, осложненного для адресата (читателя, слушающего) имплицативными *эристическими стратегиями* автора (парадокс, ирония,

нонсенс, семантический сдвиг и т.д. – ср., напр., работу Л. Альба-Хуэс «Irony as inferred contradiction» [Alba-Juez 2014]).

Рассмотрим риторическое отношение ВЫЗОВ на примере категории малоформатных, «однофразовых» текстов [Береговская 2015], которая включает литературные афоризмы, «крылатые фразы», иронические мемы, содержащие противоречия и парадоксы [Ганеев 2001] и являющиеся воплощением риторической структуры ВЫЗОВ в свёрнутой («формульной» – ср. [Krieg-Planque 2006]) реализации. Приведём пример двух «одностишей» Владимира Вишневецкого [2001]:

(1) *Мадам я одинок (а), но не настолько.* (б)

(2) *Ах вы не спонсор? (а) Положите вилку!* (б)

В этих однофразовых текстах можно восстановить свёрнутую цепочку каузально-логических отношений в терминах ТРС (а – сателлит; б – ядро):

(1) Evidence (а) → Antithesis \wedge (*impl*) Solutionhood (б);

(2) Evidence \wedge Evaluation (а) → Restatement \wedge Solutionhood (б).

Эти отношения отражают каузальность поверхностной логико-риторической структуры [Mann 1988] – свёрнутого силлогизма “*modus tollens*” в (1) и “*modus ponens*” в (2) [Ивин 2009].

Глубинная структура риторического отношения, скрытого в этих текстах, есть ВЫЗОВ, поскольку между двумя *семантическими частями* силлогизма *нет прямой логической связи*, реализуется алогизм, или «логическая иррелевантность», свойственная аргументу *ad hominem* [Eemeren 1992]. Адресату предлагается восстановить закодированную смысловую связь. Эта связь – прагма-риторическая дизъюнкция – определяется не логической связью и не семантикой участвующих в отношении концептов и/или предикатов, а восстанавливается из контекста с опорой на «общие места» (топосы):

(1) ‘ОДИНОЧЕСТВО’ \vee ‘НЕКРАСИВАЯ ВНЕШНОСТЬ’

(2) ‘ОТСУТСТВИЕ СТАТУСА’ \vee ‘ПРАВО НА ПРИВЕЛЕГИИ’

На каузально-риторические противоречия (ср. выше – КОНТРАСТ/АНТИТЕЗИС) накладывается имплицитно выраженная в текстах трансгрессия – нарушение *постулатов кооперативности и вежливости*, ставящая под угрозу «позитивное лицо» представленного в них «адресата».

Тональность (дискурса) можно считать *интеракционально-текстуальной категорией*, отражающей субъективную и интеракциональную («полифоническую») природу дискурса-текста [Багдасарян 2000; Бахтин 2000; Матвеева 2011; Карасик 2007; Фрейдина 2015].

Эристическая дискурсивная тональность подразделяется нами на текстуальную и интеракциональную. *Интеракциональная тональность* рассматривалась И. Гоффманом как переключение интерсубъективных «ключей» (keying) – способность менять речевое поведение в зависимости от интерперсональных отношений, внутреннего состояния духа говорящих, аргументативно-персуазивной направленности речевой интеракции, пропозиции (темы) речевого взаимодействия [Гоффман 2003; Goffman 1987].

Текстуальная тональность трактуется как эмоционально-смысловая доминанта текста [Белянин 2000; Болдырев 2018], как «детерминанта синергетического процесса речевой деятельности» [Пищальникова 2003; Роговская 2004]. Текстуально-интеракциональная эристическая дискурсивная тональность имеет следующие дифференциальные признаки:

1) пропозициональная трансгрессивность: растабуированность (тематическая), превалирование десакральных смыслов;

2) иллокутивное доминирование, речевые акты, нарушающие правила «прагма-диалектической дискуссии» [Eemeren 2009] и т.п.;

3) контраргументативные стратегии и тактики, основанные на принципе «эпистемической бдительности», аргументах *ad hominem*, *ad personam*;

4) интерперсональные асимметрии, угрожающие лицу и личностной «территории» (И. Гоффман) коммуникантов, нарушения постулатов кооперативности и вежливости;

5) дискурсивная асимметрия форм, аллофония (Т.Б. Ганеев), языковая игра, каламбур и т.д.

Эристика, реализуясь в дискурсивной тональности, предполагает нарушение стандартов логического мышления и норм поведения и проявляется в особых интеракциональных стратегиях. В таком представлении эристическая дискурсивная тональность пересекается или объединяет некоторые типы тональностей и характеристик дискурса (текста), выделяемых лингвистами: *фасцинативная*, *шутливая*, *манипулятивная*, *менторская*, *агрессивная* тональности (В.И. Карасик); *тональная экспрессивность* и *напряженность* (Т.В. Матвеева). Однако главными характеристиками эристической тональности являются *трансгрессия* (нарушения нормы, вызов правилам, отрицание «предлагаемых обстоятельств», истины в последней инстанции) и *провокативность* (интеллектуальный, эстетический, этический и т.д. вызов партнеру-оппоненту, аудитории, читателю).

Эристические речевые манифестации коррелируют с определённой когнитивной моделью, имеющей универсальную характеристику в виде *речекогнитивной трансгрессии* – когнитивного диссонанса и нарушения «нулевой степени» выражения (языковой, речевой, поведенческой нормы). Эристическое речевое поведение не всегда перерастает в открытую агрессию и, как правило, бывает *провокативно-пассивно-агрессивным*, эпатажным, но также имплицитным и суггестивным.

Таковыми выступают, например, некоторые социолекты, особенно в восприятии «чужих» (напр., одесское койне, феня, стёб определённых (суб)культурных групп и движений).

Порождающая эристика состоит не в самих диалектных и этносоциальных языковых особенностях того или иного идиолекта, а в сознательном переключении кода, интенциональном употреблении той или иной ненормативной речезыковой формы [Gumperz, Hymes 1991]. С другой стороны, этно- и социолекты – жаргоны и арго – могут вызывать эристическую интерпретацию у "посторонних" (аудитории) в диапазоне от

людической эристики (смех, юмор) до идиосинкразии – категорического неприятия "чуждых", ненормативных речезыковых форм. В фикциональном диалоге литературного произведения эристическое в речи служит созданию речевого портрета, который вызывает аффективную реакцию читателя (зрителя), положительное или отрицательное отношение к персонажу.

Яркие примеры эристической одесской речи дают диалоги из сериала «Ликвидация» (реж. С. Урсуляк), ставшие цитатами-мемами в пространстве Интернета (см., напр. [https://trinixy.ru/14568-vse_citaty_seriala_likvidacija.html]):

а) «– Дава, а шо Ада Израэльевна?
– Умерла, еще до войны.
– До войны? А я собралась к ней пойти...
– **Так уже не спешите**»;

б) «– Дава, я извиняюсь, но ты таки, босяк. Некому задницу надрать, *пять пистолетов – не пачка папирос, они таки стреляют. Ну ты же не окно в женской бане – зачем в тебе дырка?*»;

в) «– Сеня, друг, **не дай бог, конечно**. Шо ты мне истерику мастыришь. *Посмотри вокруг и трезво содрогнись*. Ты уже наговорил на вышку. Теперь тяни на **пролетарское снисхождение суда. Мудрое, но несговорчивое**

г) «– *А где у нас случилось?*

– *Пара незаметных пустяков*. Вам что-то захотелось, мадам Шмуклис?
– *Немножечко щепотку соли*. Эмик, такое счастье, надыбал глоссик..

– **Так я за что**. Эмик ухнул пачку соли в помойное ведро.

– **Так шо, если помои посолить, они будут лучше пахнуть?**

– Ой, Фима, я Вас умоляю, Вы же знаете за Эмика – он если не сломает, то уронит»;

д) «– Я нет-нет, а думаю, может я неправильно жил? Надо ж брать деньги у богатых и давать их бедным, а **таким, как ты, давать по морде, шоб у мире была красота и гармония**».

Эристика в приведенном примере лежит в агональности и девиантности как формы плана выражения, так и формы плана содержания. В плане выражения эристическая трансгрессия орфоэпической нормы проявляется в фонетических (*семачка, шо / что, шоб, идьёт, у / в*), лексических девиациях (лексические единицы субстандартного узуса – сленг, феня): *надыбать, кинуть – ухнуть, обманывать – гнать, устраивать – мастерить, шелуха – лушпайки, нет – нема, за что – почём, скажженный* и т.д.; сниженная и просторечная лексика, инвектива: *халамидник, босяк, задница*; окказиональные лексико-грамматические и синтаксические девиации – **окказиональные синсемантизмы**: *Ничуть не трогай!*, *Таки да*; они *таки* стреляют, знаете *за* (о); **согласование**: *надыбал глоссик, не трогал шкапов, Я понимаю слов!*; *Так я за что* (о чем); **плеоназм**: *Пара незаметных пустяков; Немножечко щепотку соли*; **эллипсис**: *Мама, он проснулся и не хочет* (о рыбе); **семантическое рассогласование, контаминация**: *А где у нас случилось? При такой густой жаре* (густой воздух – сильная жара); **(в)** *трезво содрогнись* и т.д.

В форме плана содержания – это семантико-концептуальная трансгрессия: юмор парадоксальности – (а) «А я собралась к ней пойти... – Так уже не спешите»; сравнения и метафоры – (б) ты же не окно в женской бане – зачем в тебе дырка?; пять пистолетов – не пачка папирос; или: За что семачка? – За пять. – Это больно; или: здесь Уголовный Розыск, а не баня, нема ни голых, ни дурных; параллелизм и парентеза: (д) надо ж брать деньги у богатых и давать их бедным, а таким, как ты, давать по морде; или Сеня, друг, не дай бог конечно; клише – Ой, Фима, я Вас умоляю; образность, возвышенный слог (ирония) – (в) Посмотри вокруг и трезво содрогнись; пролетарское снисхождение суда. Мудрое, но несговорчивое; сарказм – (г) Так шо, если помои посолить, они будут лучше пахнуть? и т.д.

В основе такого речевого поведения лежит эристическая интенция: стремление к нестандартной, девиантной речезыковой форме, «остранение» и остроумие, эпатаж. Диалог построен на имплицитном вызове в адрес собеседника, на интеракциональном шифтинге – переключении регистра общения на уровень эристической пикировки. Как любой сленг, одесское койне, помимо прочего, имеет функцию корпоративного общения, отделяющего «своих» от «чужих».

За единицу анализа эристического дискурса принимается эристема – дискурсивно-интенциональный «квант» семиогенеза, единица (фрагмент) эристического дискурса. Эристема как семиотическая сущность может рассматриваться в трех перспективах: семантико-прагматической (лингвистической), социально-интеракциональной (праксеология и социолингвистика) и когнитивной (психолингвистической).

Эристема актуализируется в уровневой организации речи (текста, высказывания) на следующих уровнях («снизу вверх»):

1) до-номинативном: эристема – мимика, жест, интонация, междометие и т.д. (квантоэристема);

2) номинативном: эристема – морфо-лексико-фразеологическая единица эристической тональности (микроэристема);

3) предикативно-речеактовом: эристема отражает референтивно-пропозициональную интенциональность адресанта (мезоэристема);

4) прагмариторическом: эристема реализует эристическую тональность рассматриваемого дискурса (макроэристема).

Квантоэристема (взгляд, мимика, жест), микроэристема (лексема, фразема) и мезоэристема (речевой акт) реализуются на речезыковом уровне (план выражения). Макроэристема может реализоваться в интеракциональном плане на уровне определённого речевого взаимодействия (диалога [Арутюнова 1999; Борисова 2007]) или институциональной, стереотипной ситуации (дебаты, дискуссия, конфликт, ссора). В текстуальном плане макроэристема разворачивается на фоне всего текста литературного (речевого) произведения, определяя его эристическую тональность и целеполагание, реализуемые в речеактовых мезоэристемах (сатира, пародия, клевета, инсинуация, ложь/ «фейк», глупость, нонсенс и

т.д.). Макроэристема может формироваться на уровне макроконтекста – некой деятельностной ситуацией – «ирония судьбы» в сюжетах комедий, романов (см. ниже – сериал «Доктор Хаус», романы Ильфа и Петрова и т.п.), межличностного конфликта («Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»), институционального конфликта (судебные слушания, политическая борьба, парламентские дебаты и т.д.).

Структура инварианта эристеми отражает динамику речевой позиции говорящего по отношению к тому, что говорится, и к адресату (аудитории). Компоненты этой структуры отличаются парадигматической иерархией, соединяясь в одной семиотической форме.

В **пропозициональном плане** речевой интеракции (CONTENT) отражается тематическая трансгрессия (TRSGR), противоречие (CONTR) или экстремальная степень противоречия (EXTREM) в предметной (референтной) ситуации.

Интенционально-иллокутивный план (ILLOC) состоит из речевых актов, связанных с конфликтной (речевой) интеракцией: *обращение* (APPEL) либо *негативно-оценочная* и/или *уничтожительная* (субстандартная) форма обращения – кличка, прозвище (APPEL(NEG/PJR)); обвинение (ACCUS); протест / опровержение / возражение (CONTEST); вопрос / риторический вопрос (QUEST/ITERROG); утверждение утвердительное/отрицательное (ASSERT (POS/NEG)); оценка (VAL(POS/NEG)) императивные формы (IMPER(POS/NEG)) и т.д.

Аргументативный план (ARG) включает такие аргументативные страгемы, как аргумент *ad hominem* (ad-HOM), персональный выпад *ad personam* (ad-PERS), обращение к авторитету *ad verecundiam* (ad-VERI), расчет на недоказуемость довода и неосведомленность оппонента *ad ignorantiam* (ad-IGNOR); ложный довод *petitio principii* (PET-PRINC) и др.

Интерперсональный план (PERS/POS) отражает позиционирование собственного превосходства, позицию силы «сверху вниз» (DOWN (POWER)); позицию вызова, или протеста «снизу вверх» (UP (LIBERT)); позицию «ребенка» – игра, нарушение правил, юмор и т.д. (PUER); назидательную позицию (PATER), либо взвешенную (аргументированную) критическую позицию «взрослого» (ADULT); здесь же отражается степень близости / дистантности отношений между партнёрами (CLOSE/DIST) и т.д.

Дискурсивный план (DISC) фактически отражает полимодальную структуру эристической интеракции или текста (TONE/GEST), имплицитности выражения (IMPLIC), синтаксического выделения (SYNT(EMPH)), сниженного регистра лексики (LEX(NEG)); прерывания собеседника (INTERRUPT) или речевого обмена, недоговоренности (SUSPENSE). В текстуальной эристике дополнительно могут отмечаться риторико-стилистические фигуры/тропы (FIG (METAPH/IRON/SARC)); нарушения семантической или синтаксической связности текста (DISC-IN|COHER) и др. Представление единицы эристической тональности основывается на компонентном прагма-семантическом анализе ее составляющих. Тогда прагма-семантическая запись эристической

тональности, например, текста песни В. Высоцкого «Своя колея» с макроэристемой (CONT-EXTREM) может быть представлена как риторическая структура монологической диалогичной текстуальной эристы:

1. <i>Я грязью из-под шин плюю</i>	ILLOC>ASSERT+DISC(LEX)+VAL(NEG)
2. <i>В чужую эту колею.</i>	ASSERT+VAL(NEG) +DISC-LEX (NEG)
3. <i>Эй, вы, задние! Делай, как я.</i>	ILLOC>APPEL(NEG)+IMPER+ DISC(EMPH)
4. <i>Это значит не надо за мной.</i>	ARG>IMPER(NEG)
5. <i>Колея эта только моя!</i>	ILLOC>ASSERT+VAL(POS)+PERS/POS>DIST
6. <i>Выбирайтесь своей колеёй!</i>	IMPER+ PATER+PERS>DIST+PERS>DOWN

(Высоцкий [2012: 45]).

В строках 1–2 коннотативно-негативная лексика (*грязью, плюю, чужую*) – VAL(NEG) + DISC-LEX (NEG) – усиливается в строке 3 провокативной формой апеллятива и императивом, который эристичен по определению (*Эй, вы, задние! Делай, как я*) – APPEL(NEG)+IMPER.

Далее в строках 4–5 аргументативно-персуазивный вывод-императив (*Это значит не надо за мной*) – arg>imper(neg) – подкрепляется аргументом-декларативом (*Колея эта только моя!*) – ASSERT+VAL(POS)+PERS>DIST – с дистантным в интерперсональном плане противопоставлением *моя – своей* и потенциально эристическим императивом (*Выбирайтесь <сами> своей колеёй!*).

Выделение в риторической структуре текста отношения ВЫЗОВ (Challenge) может быть использовано для уточнения единиц машинного анализа *эристической тональности*, в частности, в исследованиях текстовой тональности (*Sentiment analysis*) [Котельников 2012; Thelwall 2010] и при разметке корпусов текстов на основе *теории риторических структур* (см., напр. [Ананьева 2016; Chetviorkin 2013]).

В *Главе 4 «Интеракциональная эристическая риторика»* риторико-дискурсивная перспектива «эристического в речи» реализуется в *эмосе* (персональный имидж), *логосе* (аргументативные стратегемы) и *пафосе* (эристические экспрессивные манифестации) речевого взаимодействия.

На материале корпуса французской политической коммуникации рассматривается *эристический этос* в русле политической персонологии.

Эристический этос проявляется в когнитивном стиле эмоционального интеллекта, отражающем критический релятивизм в мышлении и стремление заострять решение проблемы методом *reductio ad absurdum*. Делокутивный имидж (ДИ) – прецедентные высказывания, персональный дискурс и т.д. – становится «симулякром» личностного имиджа, его репрезентативом.

Речевой этос представляется как *ингерентный* (PR-имидж), интенционально формируемый самим говорящим, и *адгерентный* – отражающий общественное мнение о делокутивном имидже медийного персонажа.

Ярким проявлением адгерентного ДИ становятся изречения-мемы медийных персонажей (черномырдинки, бушизмы, макронизмы, хаусизмы и т.д.). В политическом этосе они приобретают статус паремического малапропизма (от фр. *mal à propos* – ‘не к месту’) – эристически интерпретируемого высказывания. Эристическая интерпретация («рефрейминг») таких знаков становится жанрообразующей основой их фольклорной афористичности. Так, знаменитое «мочить в сортире» – эмоциональное высказывание в серьёзном и трагическом контексте борьбы с терроризмом, только став мемом, сегодня кажется забавным благодаря своей эристичной внутренней форме (интерпретанте). Эта маркированная форма выражения эристической интенциональности приобрела релевантность как имиджевая черта политического лидера. Поэтому, говоря о гелотогенности рассматриваемого материала, следует помнить, что афористическая меморизация имеет своё жанровое измерение: функционал малапропизма – это прежде всего личностная оценочная «дейктизация», прагматическая указательная функция, маркирующая *делокутивный имидж* политического персонажа. В категории политических «анти-афоризмов» превалирует отрицательный делокутивный имидж энунциатора, поэтому установка на эристическую интерпретацию (эристический рефрейминг) превращает цитату-мем в паремический малапропизм, характеризующий политика. В этом случае семиотическая структура такого речезыкового знака активизирует не экстенционал (денотат), и даже ни импликационал паремии [Телия 1996: 91-92], а *интерпретанту знака-высказывания. Эристы-мемы* Э. Макрона могут составить сборник «макронизмов», куда войдет, например, высказывание (Дания, июнь 2018), в котором он сравнивает лютеранцев-датчан (*peuple luthérien*), открытых к преобразованиям, с «галлами, сопротивляющимися переменам» («*Gaulois réfractaires au changement*»). Эта ирония была расценена большинством французов как «высокомерная и презрительная» («*Les “Gaulois” vont se faire un plaisir de répondre à son arrogance et à son mépris!*» – *Marine Le Pen* (Le Monde, 29 août 2018). – «*”Галлы” припомнят ему это презрение и высокомерие*» – *Марин Ле Пен*). Пророчество сбылось: той же осенью «галлы» надели «жёлтые жилеты». Таким образом, делокутивный этос политика формируется на основании интерпретативной эристики – *рефрейминга* и субъективной интерпретации высказываний политиков, приобретающих статус *фразоидной эристы* (малапропизма).

Эристический полимодальный *пафос* и поликодовый характер эристы исследуются на материале обыденной политической коммуникации (встречи политиков с избирателями), в частности, видеозаписи разговора Ж.Л. Меланшона с обвинившим его в высоких доходах «человеком из толпы». Задачей анализа стало выявление характерных эристических жестов (квантоэристе), сопровождающих эристическую интеракцию. Ключом анализа стал принцип функциональной таксономии французских узуальных эристических жестов: практически каждый узуальный французский жест коррелирует с фразорефлексом [Гак

1995; Тамразова 2017], являющимся его вербальной «легендой», его фразеологической номинацией. Фразеорефлексы *Bof; En avoir assez; Oh la barbe!; Mon oeil!; Ça va pas la tête! Gare à toi!* и др. сопровождают жестовую кинесику, а иногда употребляются отдельно как вербальные жесты:

Ну и чё!	Достало!	Скукота!	Ага, щас!	С ума сошёл?!	А по голове?!

На основе видео была сформирована поликодовая транскрипция речевого взаимодействия с анализом эристических жестов, зафиксированных в диалоге:

<i>Regardez-moi bien droit dans les yeux !</i>	<i>Les imbéciles qui distribuent des faux tracts, qui me traite de nazi</i>	<i>C' qu'on va voir c'est que dans ce pays tout n'est pas permis...</i>	<i>Et il faut pas être très malin...</i>
A. (1a)	A. (16)	A. (5a)	A. (56)

В ходе полимодального анализа были выведены три основных типа эристымы: *вербальная эристыма* – фразеорефлекс, эристический фразоид (*Regardez-moi bien droit dans les yeux!*); *кинесетическая эристыма* – сокращение/увеличение дистанции, поворот головы к определённой части аудитории и т.д.; *эристический жест*.

Из общей номенклатуры французских жестов (198) были выделены эристические жесты (100), дифференцируемые по степени возрастания агональности (см. выше) – от амбивалентной и имплицативно-ассоциативной до остенсивной эристической жестикуляции и далее до речезестовой агрессии (оскорбительные жесты).

Среди отмеченных жестов можно выделить несколько категорий: индексально-интерперсональные; аутореферентные и квази-аутореферентные: аттенциональные, метафоро-метонимические и кинесетические жесты (движения).

Эристический логос политической коммуникации был исследован на материале семи предвыборных теледебатов президентских кампаний во Франции (1974 –2018гг.). За основу анализа эристического в агональном диалоге кандидатов на пост президента была положена номенклатура логических уловок (fallacies), которую можно обозначить как ad- аргументы: главные – ad hominem и ad personam и другие ad-аргументы: ad verecundiam – ссылка на авторитет; ad ignorantiam – ссылка на то, что обратное не доказано; ad populum – ‘большинство всегда право’; ad humanitatem – ссылка на всеобщее знание вещи; ad absurdum – доведение до абсурда, парадокс,

нонсенс; *ad Hitlerum* – ссылка на «абсолютное зло»; *ad antiquitatem* – ‘давно известно, что...’; *ad baculum* – апелляция к неприятностям, угрозе, страху; *ad nauseam* – бесконечное повторение, «промывка мозгов» и др. [Eemeren 2009: 50-60]) и различные уловки (*stratagems*) [Schopenhauer 2010] (Табл.1; см. тж. Материал исследования).

Таблица 1.
Рекуррентность эристической аргументации в президентских дебатах

Эристема	VGE– FM- 1974	VGE– FM- 1981	FM– JCh - 1988	JCh– LJ-1995	SR–NS- 2007	FH–NS- 2012	MLP– EM- 2017
<i>ad hominem</i>	16	14	29	19	40	32	43
<i>ad personam</i>	5	16	14	7	23	27	29
<i>ad ignorantiam</i>	4	2	3	3	5	7	14
<i>ad populum</i>	27	21	25	15	23	25	23
<i>ad baculum</i>	10	8	11	7	11	12	25
<i>ad antiquitatem</i>	5	4	6	5	7	8	12
<i>ad iudicium</i>	11	10	6	7	15	11	17
<i>ad nauseam</i>	3	–	–	2	7	5	6
<i>ad Hitlerum</i>	1	–	–	2	2	3	4

В иллокутивном плане пафоса речевого взаимодействия речевыми актами эристической доминанты являются коррелирующие между собой отрицание (опровержение), упрек и обвинение. На основе принципов типологии эристеи (см. выше) были выделены основные наиболее рекуррентные эристеи. Дебаты дают яркий материал институциональной эристики с шестью доминирующими эристеями – эристическими доминантами парламентских дебатов: 1) **делокутивная эристема (ДЭ)** – «цитирование» слов оппонента как доказательство его непоследовательности, некомпетентности; 2) **эристема косвенного обвинения (ЭКД)** *ad hominem* (указание на факты/ действия, уличающие оппонента); 3) **эристема прямого обвинения (ЭПО)** *ad personam* – от безапелляционного («Вы лжете!») до граничащего с агрессией (ср. «Ты негодяй!» – реплика В. Жириновского [Тамразова 2009]), и выражающегося прямой или косвенной инвективой; 4) **встречная эристема (ВЭ)** – *tu quoque* – направленную на дискредитацию оппонента посредством встречного обвинения; 5) **обстоятельная эристема (ОЭ)** *ad hominem circumstantiae* (связывающей оппонента с обстоятельствами или людьми, порочащими его); 6) **ироническая (саркастическая) эристема (ИСО).**

Квантитативный (процентный) анализ показал динамику эристической тональности дискурса французских президентских дебатов (Табл.2; см. тж. Материал исследования):

Таблица 2.

Динамика эристической тональности дискурса французских президентских дебатов

Типы эриستم	VGE– FM- 1974	VGE– FM- 1981	FM– JCh - 1988	JCh– LJ- 1995	SR–NS- 2007	FH– NS- 2012	MLP– EM- 2017
ДЭ	40%	45%	42%	45%	55%	57%	65%
ЭКД	26%	25%	22%	21%	44%	43%	75%
ЭПО	5%	4%	5%	4%	23%	19%	31%
ВЭ	30%	28%	32%	31%	45%	64%	69%
ОЭ	43%	39%	47%	52%	61%	64%	69%
ИСО	14%	11%	12%	13%	45%	37%	43%

Из этих симптоматических подсчётов следует, что за сорок три года существования формата теледебатов «лицом к лицу» кандидатов на пост президента Франции между двумя турами голосования общая эристическая тональность усилилась за счёт снятия деонтологических ограничений, проникновения в институциональную речь эмоционально-оценочных элементов, обострения конфликтности и усиления речевой агрессивности в эристическом речевом взаимодействии. Тем не менее, элементы юмора, иронии и сарказма были и остаются значительной составляющей эристической тональности жанра политических дебатов.

В *Главе 5 «Фикциальная эристика: эристические практики в художественном дискурсе и переводе»* рассматривается эристическая языковая личность персонажа, автора и переводчика художественных произведений. Эристичность сюжета и речи персонажей рассматривалась на материале скриптов американского ситкома «House, MD». Предметом анализа в нашем исследовании становятся главным образом эристический *пафос* («невежливость», эпатаж, ирония, сарказм) заглавного героя сериала, определяющий его делокутивный *этнос*, его речевое поведение, а также *эристическая дискурсивная тональность* этого фикциального телевизионного нарратива. Макроэриستمы сериала «House, MD» – это отражённые в речеповеденческой интерпретации д-ра Хауса коллизии, возникающие и повторяющиеся в сюжетных линиях теле-повествования:

– **Вызов смерти:** *It's always ugly – always! We can live with dignity – we can't die with it (1/1)¹ – Это всегда отвратительно – всегда! Вы можете жить с достоинством, но вы не можете с ним умереть;*

– **Воинствующий антитеизм,** отрицание Бога на небе и в душе: *If you talk to God, you're religious; if God talks to you, you're psychotic – Если ты*

¹ Первая цифра обозначает сезон (первый), вторая – серию (первая).

разговариваешь с Богом, ты – верующий. Если Бог разговаривает с тобой, ты – ненормальный;

– Гипертрофия «эпистемической бдительности»: «Пациент всегда глуп» и «Все врут!»: *Everybody lies! Все лгут!*; *Dr. Foreman: Isn't treating patients why we became doctors? Dr. House: No, treating illnesses is why we became doctors (1/1)* – Д-р Форман: Разве лечение пациентов не то, зачем мы стали врачами? Д-р Хаус: Нет, мы стали врачами, чтобы лечить болезни.

Трансгрессия вежливости и эмпатии. Апеллятивная мезоэристема. Прозвища, как уже отмечалось, являются эристической формой номинации, широко используемой Хаусом в общении с учениками: Travis Brennan – *The quiet guy*, Lawrence Kutner – *Enthusiastic guy*, Jeffrey Cole – *Black Mormon / Dark Religious Nut*, Amber Volakis – *Cutthroat Bitch*, Chris Taub – *Bored-looking plastic surgeon*, Remy Hadley – *Thirteen*, etc.

Эристическая ирония: *House: Okay, I'm gonna give you some antibiotics, and you probably shouldn't have sex for awhile. Woman: How long? House: On an evolutionary basis, I'd recommend forever (1/16)* – Д-р Хаус: Я выпишу вам антибиотики и посоветую воздержаться от секса. Пациентка: Долго? Д-р Хаус: С точки зрения эволюции, я бы сказал, вечно.

В приведенном диалоге риторическое отношение «вызов» в остроте Хауса, как и в приводимых выше однофразовых шутках В. Вишневого, построено на прагма-риторической дизъюнкции: 'ГЕНЕТИЧЕСКОЕ СЛАБОУМИЕ' V 'ПРОДОЛЖЕНИЕ РОДА'. Здесь также осуществляется людически-косвенный речевой акт оскорбления, который понятен скорее зрителю, чем недалекой пациентке.

– Пикировка: 'ADULT-ADULT' – 'PUER-PATER' – 'PUER-PUER'. Пикировка 'ADULT-ADULT' возникает в отношениях Хауса с равными по интеллектуальному или социальному статусу, а иногда и в диалогах с начальством, упрекающим доктора в очередном нарушении или призывающим его к профессиональным или этическим нормам. Аргументация Хауса строится, как правило, на парадоксальных софизмах и логических уловках (*ad misericordiam, ad ignorantiam, ad baculum*). Но главной эристемой здесь выступает мезоэристема *ad hominem/ad personam*:

Фрейм: Обсуждение возможности пересадки сердца пожилому пациенту):

Cuddy: He's 66-yr-old. House: Told me he was 65. Liar. I'm out of here <...>. Simpson: If this patient were to survive the operation, he'd get another what? 5, 10, maybe 20 years if he's very lucky? House: No I get it; *women live longer so they should get preference, right? The African-Americans, they die a lot younger so to hell with them.* Simpson: What you think you're going to win me over by calling me a racist? House: If the test is who gets to use it the longest, *you can either be a racist or a hypocrite.* Simpson: Your patient had a life. A family. We've got 18-yr-old kids who only.... - House: How old are you, doctor? *When do we get to toss you on an ice flow?* (1/14).

Кадди: Ему 66 лет. Хаус: А мне сказал 65. Лжец. Я пошел <...>. Симпсон: Если пациент переживёт операцию, сколько у него в запасе? 5, 10, может, 20 лет, если очень повезёт. <...> Хаус: Я понял. *Женщины живут дольше, значит, у них преимущество, так? А афро-американцы, они умирают раньше. Значит чёрт с ними.* Симпсон: Вы думаете убедить меня, называя расистом? Хаус: Если суть в том, кто дольше проживет, *вы либо расист, либо лицемер.* Симпсон: Ваш пациент прожил жизнь. Создал семью. У нас есть подростки, которые только.... Хаус: *Сколько вам лет, доктор? Когда мы вас засунем в холодильник?*

– Фразоидная эристема: хаусизмы. Как и политические малапропизмы, «хаусизмы» и цитаты-мемы сериала проявляют фасцинативность и эпатаж эристической тональности теле-нарратива «House, MD». Людическая эристика проявляет «карнавальность» гипертрофированного цинизма эксцентричных эристических высказываний как самого заглавного героя, так и остальных персонажей ситкома. Фильм, получивший признание зрителей, становится источником цитат, ярких и смешных парадоксальных реплик. Сегодня они становятся прежде всего интернет-мемами: *If I enjoy hating life, I don't hate life, I enjoy it – Если я наслаждаюсь ненавистью к жизни, я не ненавижу жизнь. Я ею наслаждаюсь; Religion is not the opiate of the masses. Religion is the placebo of the masses – Религия не опиум для народа, религия - плацебо для народа; Cameron: What happened to “everybody lies”? House: I was lying. – Кэмерон: А как же ваш лозунг «Все лгут»? Хаус: Я солгал и мн. др.*

Второй параграф главы 5 диссертации «**Остранение как эристический семиозис. Литературная эристика и эристика перевода**» посвящён исследованию эристической формы в переводе, проявляющейся в двух ипостасях – эристика в переводе и эристика переводчика.

Художественная эристика проявляется как вызов художественно-литературным канонам в приёме «остранения» и языковой трансгрессии (языковая игра, языковые аномалии, аллюзии, импликация и т.д.).

Эристика в литературном переводе – это перевод *аномальной формы оригинала* (ИЯ) посредством *аномальной формы перевода* (ПЯ): либо формы плана выражения (окказионализмы, игра слов), либо формы плана содержания (парадокс, нонсенс, смысловой сдвиг). В анализе художественных переводов проявляется этноязыковая вариативность средств выражения «эристического в речи», этнокультурологическая асимметрия в

передаче эристической тональности, приводящая к асимметрии в выражении в переводном тексте микро- и мезоэристом, таких как *интертекстуальность иронии, коллоквиальность номинаций и речевых клише, эристических субстандартных проявлений в речи* фикциальных персонажей (просторечие, сленг, койне), градация (театральность), макароническая речь (ксенизмы), асимметрия в интенсивности эристической тональности и искажение речевого портрета фикциального персонажа по параметрам эристичности.

Такие проявления имеют лакунарный этномаркированный характер, проявляющийся в переводе (см ниже). Выявление лингвокультурных особенностей эристического в речи позволяет на фоне универсальности категории «эристического в речи» отразить идиосинкратические лингвокультурные манифестации эристики. Таков пример из книги французского писателя Фредерика Дара, повествующего от лица полицейского инспектора Сан Антонио [Dard 1985]:

«Ainsi munis, ils se rassemblèrent autour du défouloir № 4 destiné au vol provenant de *Paname* (et non de *la Panam*, pauvre con!)» [Dard 1985:12] – «Во всей готовности они столпились у транспортера № 4, обслуживающего рейс из *Парижжа* (а не из *Париззжу*, придурок!)». На самом деле автор обыгрывает здесь две разговорные номинации Парижа – «*Paname*» и его еще более просторечный вариант «*la Paname*», – упрекая в последнем воображаемого читателя, который вынужден терпеть выпады автора.

Эристичным может быть сам процесс интерпретации и перевода, когда языковой посредник намеренно искажает исходные форму и/или содержания текста оригинала. Проблема принятия переводческого решения многократно возрастает с уменьшением семантических реперных точек, лежащих в основе концептуального соотнесения образа оригинала и образа перевода. Это происходит при повышенной лакунарности текста оригинала, возникающей по воле автора-писателя (заумь, нонсенс, абсурд, языковая игра и т.д.). Для определения мотивированности переводческого решения мы использовали модифицированный интервью-метод «мысли вслух» (*blackbox*-анализ) – ретроспективный самоанализ переводчиков произведений Ф. Дара, построенных на языковой трансгрессии (авторские окказионализмы, языковая игра). В интервью переводчики отмечают необходимость определения «ключа» к переводу Сан-Антонио. Таким интерпретативным ключом называется художественная эристика Ф. Рабле. Трансгрессия в сексуальность, эпатаж, выходящий за рамки приличия, – вот смысловые доминанты Ф. Дара, его динамическая интерпретанта. По словам Р. Эскарпи, «со времен Рабле мало писателей так умело манипулировали словом, как он. Его личное аргю иногда восходит до поэтического творчества» [«Сан-Антонио в России» – эл. рес.]. Единицей *эристического транслятивного семиозиса* также явилась *эристема* (или *эристическая транслема*) – знак, означаемым которого является интенциональный акт, нарушающий конвенциональность, норму, будь то норма языка или речевого поведения (эпатажность референтной растабуированности, сниженная лексика и т.д.). Переводческий трансфер строится на основе иконических симптоматических

синсигнумов (окказионализмов: *le subjonctif à ressort* – *сослагательный прыщик*; *le pétomane arphone (in petto man à faune)* – *глухого меломана – вынь шии из кармана*), иконических легисигнумов (*la bougie-qui-se-dévisse, la feuille de vigne à trou* – *свечу на резьбе, виноградный лист на лозе*) (пер. В. Бережной) и др. Здесь переплетаются все три вида семиозиса, по Ч. Пирсу (квалисигнум, синсигнум и легисигнум): от рифмы и ассонанса до переводческого окказионализма, контекстуально (*ad hoc*) соединяющего семиозис источника и перевода – *la croisière suprême* – *путешествие на край блаженства*. Лакунарность языковой игры Ф. Дара превращает любой перевод Сан-Антонио в формулу «n-1». Переводчик чувствует «вызов» в ограниченности возможностей компенсации в передаче языковой игры средствами родного языка, и потери при этом неизбежны, но каждый переводчик по-разному воспринимает эти ограничения. Лингвистическая креативность некоторых переводчиков не уступает французскому первоисточнику (пер. Г. Барсуков):

<p>C'est alléchant, ce répertoire. C'est à lécher! [Dard 1976: 130] Je me tords, me feu-d'artifice... – В.В. est ici! radieuse Gros.</p>	<p>Репертуар соблазнительный. Облизательный! [Дар 2004:108] ...выгибаюсь, фейерверчусь! – Б.Б. здесь! – лучезарится Толстяк.</p>
--	---

Таким образом, художественная эристика – категория речевого взаимодействия, отражающая в самом общем смысле противоречие и остранение формы как художественный прием. Художественная эристика предполагает нарушение стандартов мышления и выражения, воплощающихся в макростратегии остранения в речевой (дискурсивной) тональности. Авторская эристика оригинала *вызывает* особые эристические решения (эристические транслемы) переводчика.

В **Заключении** подводится итог прагма-риторического исследования эристического в речи в свете *дискурсивной когнитивно-семиотической риторики*, которая развивается в работе с опорой на две методологических модели – *модель риторической структуры* текста и дискурса и *модель узуального реализма*, включающая ненормативные и неконвенциональные речезыковые манифестации (Rhetorical usage based model), составляющие область *агональной (девиантной) риторики*. Предлагаемая нами концептуализация и категоризация эристики как теоретического конструкта позволяет, с одной стороны, обобщить речезыковые явления, рассматриваемые в отрыве друг от друга, а с другой – дифференцировать лингвистические механизмы, рассматриваемые в рамках онтологически общих и полипарадигмальных категорий (*агрессия, языковая аномалия, конфликт, агональность, невежливость, контраргументация* и др.). Поскольку в основе *нормы* любого речевого контракта лежит эмпатия как способность моделирования собеседника (*recipient design*) и согласие на кооперацию, то нарушение этой конвенции в виде отклонений (девиаций) или отказа от подчиненной адресату кооперативности рассматривается нами как *агональная речезыковая трансгрессия*. Широта семантического и

функционального диапазона эристики объясняется прототипичностью этого когнитивно-психологического феномена антропологического масштаба. Исследование понятийно-семантических пересечений эристики с категориями отрицания, агональности, провокативности, агрессивности, её оппозиционность норме, мимезису, вежливости, эмпатии, правилам логики, конвенциональности в пространстве культуры и языка представляется актуальной задачей в парадигме когнитивной семиотики и риторической методологии, особенно в перспективе сопоставления этнокультур. В структурно-функциональной иерархии эристического дискурса (тональности) отмечается тематическая трансгрессия – нарушение табуированности референтного содержания на уровне макроэристема; на речеактовом и предикативном уровне мезоэристема концентрируются речевые стратегии и тактики *эпатажа, вызова, иронии, сарказма*, аргументация *ad hominem / ad personam*, объединяемые рамками концепции *эристического в речи*. На уровне лексико-синтаксическом и тропеическом выделяются такие микро- и мезоэристема, как полимодальные – паралингвистические и языковые девиации: *агональные жесты, неконвенциональная лексика,okkaзиональные синсемантизмы*, нарушения семантического *согласования*, семантико-синтаксические мезоэристема: *плеоназм, эллипсис, контаминация, параллелизм, парентеза* и проч. Таким образом, *эристическая тональность* – это категория риторико-дискурсивная, формирующаяся из гетерогенных средств, создающих имплицитную, косвенную эмоционально-аксиологическую модальность высказывания (текста-дискурса).

Эристические манифестации в художественном дискурсе составляют особый предмет исследования – эристическую тональность, которая, достигая уровня лакунарности ввиду сложности её передачи в художественном переводе, требует высокой креативности переводческих трансформаций.

Лингвоповеденческая универсальность эристической компетенции и высокая рекуррентность превращают эристема в узуальные единицы речи, реализуемые средствами всех языковых уровней. Некоторые из эристема превращаются в конвенциональные и фразеологизированные формы – *фразоидные эристема* (речевые стереотипы, разговорные клише, паремии, малапропизмы и т.д.). Исследование совокупности полисемиотических речезыковых средств ведёт к углублению исследования эристического семиозиса в категориальной ситуации эристического речевого (взаимо)действия.

Перспектива разработки эристического кластера дискурсивной риторики может представлять интерес как для теории языка, так и для частнолингвистических исследований агонального речевого взаимодействия.

Основное содержание работы изложено в следующих публикациях.

Монографии:

1. Тамразова И.Г. Эристические речевые практики: опыт дискурсивной риторики. Кросс-культурное исследование речевой агональности и языковой трансгрессии. – М.: Московский Политех, 2021. – 442 с.

2. Тамразова И.Г. Европейский парламентский дискурс: пролегомены к теории политической речевой интеракции. Прагмалингвистические очерки. Коллективная монография / Под ред. А.В. Алферова, И.Г. Тамразовой. – М.: Московский Политех, 2019. – 248 с.

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ:

3. Тамразова И.Г. Эристическая полемика как тип речевого взаимодействия (на материале французского и русского языков) // Вестник Ставропольского государственного университета. 2008. № 3. С. 150–156.

4. Тамразова И.Г. Культурологические и прагматодискурсивные аспекты эристических речевых практик // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 1. С. 197–201.

5. Тамразова И.Г. Контрастивный анализ эристического дискурса французского и русского языков // Когнитивные исследования языка. 2015. № 22. С. 412–414.

6. Тамразова И.Г. Когнитивное пространство эристики // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 85–87.

7. Тамразова И.Г. Стереотипность делокутивов. Фразеорефлексы // Общественные науки. 2017. № 1. С. 278–285.

8. Тамразова И.Г. Нормы речевого поведения и релевантность высказывания // Общественные науки. 2017. № 2–1. С. 362–366.

9. Тамразова И.Г. Полиmodalность французского эристического дискурса: опыт интеракционного исследования // Политическая лингвистика. 2018. №4 (70). С. 96–103.

10. Тамразова И.Г. Эристическое противоречие как когнитивно-дискурсивная категория: истоки и перспективы исследования // Вестник ПГУ №3, 2018. С. 222–226.

11. Тамразова И.Г. Релевантность и эристичность политической коммуникации: паремические малапропизмы / А.В. Алферов, Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова, И.Г. Тамразова, А.В. Якушева // Вестник ПГУ. 2018. №3. С. 183–187.

12. Тамразова И.Г. Культурологическая эристика и её отражение в художественном тексте // Культура и текст. 2019. №1 (36). С. 146–158.

13. Тамразова И.Г. Эфемерные лакуны: коннотация и тональность в переводе /А.В. Алферов, Г.Е. Попова, И.Г. Тамразова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 94–104.

14. Тамразова И.Г. Языковая эристика: эвокативное речевое поведение // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2019. № 56. С. 108–121.

15. Тамразова И.Г. Жестовый язык эристики: французская речевая обыденно-политическая интеракция // Когнитивные исследования языка.

Вып. XXXVIII: Языки, культуры, модальности: Интеграция методов когнитивных исследований языка. 2019. С. 175–182.

16. Тамразова И.Г. Эристическое речевое поведение: проблема делокутивного имиджа // Научный вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2020. – Вып. 1 (45). С. 61–73.

17. Тамразова И.Г. Эристика как социокультурный вызов и тип эмоционального интеллекта // Когнитивные исследования языка. 2020. Вып. 1 (40). С. 251–268.

18. Тамразова И.Г. Эристическая интерпретация как механизм образования делокутивных речевых форм // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2020. № 60. С. 102–114.

19. Тамразова И.Г. Эристическая интерпретация в концептуализации делокутивного имиджа // Когнитивные исследования языка. 2020. №3 (42). С. 575–580.

20. Тамразова И.Г. Интеракциональная когнитивная семиотика: понятийные составляющие метода (интерпретанта, релевантность, ad-hoc концепты) / А.В. Алферов, Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова, И.Г. Тамразова // Вестник ПГУ. 2020. №3. С. 29–35.

21. Тамразова И.Г. Эристика как категория когнитивной риторики // Когнитивные исследования языка» № 3 (46) 2021. С. 653–656.

Статьи в сборниках научных трудов и материалах конференций:

22. Тамразова И.Г. Интерактивность и интеракциональность полемического дискурса // Личность, речь и юридическая практика. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 10. Ч.2. Ростов–на–Дону: ДЮИ, 2007. С. 174–177.

23. Тамразова И.Г. Эристические манифестации во французском и русском интеракциональных дискурсах // Материалы научно-методической конференции. Пятигорск: ПГЛУ, 2007. С.126–130.

24. Тамразова И.Г. Риторическая составляющая французского полемического дискурса // Исследования в области французского языка и культуры. Текст: проблемы смыслопорождения, перевода, преподавания. Материалы второй международной конференции. Пятигорск: ПГЛУ, 2007. С. 72–76.

25. Тамразова И.Г. Эристика политических дебатов (на материале французского и русского языков) // Разноуровневые черты языковых и речевых явлений. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. XV. Пятигорск, 2007. С.93–97.

26. Тамразова И.Г. Институциональный дискурс: аргументация или эристическая полемика // Материалы V Международного конгресса "Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру". Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2007. С. 233–235.

27. Тамразова И.Г. Интеракциональные аспекты эристики: спор как агональное речевое взаимодействие // Молодая наука 2007. Материалы региональной межвузовской научно-практической конференции

- студентов, аспирантов и молодых ученых. Часть 2. Пятигорск: ПГЛУ, 2007. С.152–157.
28. Тамразова И.Г. Политические дебаты: *contradictio vs pactio* // Материалы научно-методической конференции «Университетские чтения 2008» – Пятигорск: ПГЛУ, 2008. С. 220–224.
29. Тамразова И.Г. Полемический политический дискурс (на материале французского и русского языков) // Материалы региональной межвузовской научно-практической конференции. Пятигорск: ПГЛУ, 2008. С.73–78.
30. Тамразова И.Г. Эристический дискурс парламентских дебатов во Французской Национальной Ассамблее // Французский язык и межкультурная коммуникация. Материалы международной научной конференции. Пятигорск: ПГЛУ, 2008. С. 145–149.
31. Тамразова И.Г. Полемика в полилоге: роль ведущего в теледебатах (контрастивный анализ) // Материалы научно-методической конференции «Университетские чтения 2009». Пятигорск: ПГЛУ, 2009. С.194–198.
32. Тамразова И.Г. Эристический дискурс парламентских дебатов (на материале французского и русского языков) // Вестник Московского государственного открытого университета. Москва. Серия: Общественно-политические и гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 31–34.
33. Тамразова И.Г. Типология и деонтология споров // Вестник Московского государственного открытого университета. Москва. Серия: Общественно–политические и гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 31–35.
34. Тамразова И.Г. Эристика в перспективе исследования речевого поведения // Материалы конференции «Актуальные достижения европейской науки-2012». Прага, 2012. URL:http://www.rusnauka.com/18_ADEN_2012/Philologia/7_113639.doc.tn
35. Тамразова И.Г. Деонтология споров // Материалы конференции «Новейшие научные достижения-2012». Прага, 2012. URL:http://www.rusnauka.com/9_NND_2012/Philologia/7_104905.doc.htm
36. Тамразова И.Г. Функционально–прагматические характеристики французского и русского эристических дискурсов (контрастивный анализ) // Вестник Московского государственного открытого университета. Москва. Серия: Общественно-политические и гуманитарные науки. 2013. № 4. С. 55–57.
37. Тамразова И.Г. Теледебаты в эристическом формате "дуэль". речевое поведение телеведущих // Вестник Московского государственного открытого университета. Москва. Серия: Общественно–политические и гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 33–36.
38. Тамразова И.Г. Политическое и юридическое пространство эристики // Вестник Московского государственного открытого университета. Москва. Серия: Общественно-политические и гуманитарные науки. 2013. №.2. С. 38–41.

39. Тамразова И.Г. Типология и деонтология споров // Вестник Московского государственного открытого университета. Москва. Серия: Общественно-политические и гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 31.
40. Тамразова И.Г. Метаязыковая рефлексия в языковой картине мира // Исследования в контексте профессиональной коммуникации: Коллективная монография / Ред. Э.Н. Шехтман [и др.]. Тамбов, 2014. С. 102–107.
41. Тамразова И.Г. Повтор и речевая реноминация как делокутивные акты // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2015. № 11. С. 108–111.
42. Тамразова И.Г. Контрастивный анализ эристического дискурса французского и русского языков // Материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 30 сентября – 2 октября 2015 года. СПб., 2015. С. 345.
43. Тамразова И.Г. Ядерные словообразовательные модели делокутивов в русском и французском языках // Современные проблемы языкознания, литературоведения, межкультурной коммуникации и лингводидактики: Материалы II Международной научной конференции. Белгород: БГНИУ, 2016. С. 261–264.
44. Тамразова И.Г. Звукоподражания и междометия как делокутивы // London review of education and science, №1(19), January–June, 2016, volume III, “Imperial College Press”, 2016. С. 367–368.
45. Тамразова И.Г. Околоядерная зона и периферия функционально-семантического поля делокутивности // Актуальные проблемы истории, философии и языкознания: Материалы международной научной конференции. М., 2017. С. 263–271.
46. Тамразова И.Г. Делокутивность как номинативный механизм языка / И.Г. Тамразова, И.А. Преснухина // Молодой ученый. 2017. № 11 (145). С. 329–333.
47. Тамразова И.Г. Эристический дискурс политических дебатов // Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация. Екатеринбург, 2018. С. 249–251.
48. Тамразова И.Г. Эристическая языковая личность в художественном тексте и проблемы перевода // Профессиональное лингвообразование. Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. С. 373–378.
49. Тамразова И.Г. Эристическое в поэтическом переводе: семиотические коллизии формы и содержания / А.В. Алферов, И.Г. Тамразова // Индустрия перевода. Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2018. С. 272–277.
50. Тамразова И.Г. Эристический нарратив как жанрообразующая категория художественного текста (контрастивный анализ) // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы. Казань: Казанский федеральный университет, 2018. С. 233–237.
51. Тамразова И.Г. Концептуальная динамика риторики: эвристическая интерпретация эристики // Медиариторика и современная культура общения: наука – практика – обучение: сб. статей XXII Международной

- научной конференции. – М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2019. – С. 549–555.
52. Тамразова И.Г. Эристическая тональность в переводе: семиотика вызова / И.Г. Тамразова, А.В. Алферов, Г.Р. Барсуков // «Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода». Сборник статей. Выпуск № 9. Н. Новгород: Бюро переводов «Альба», 2019. С. 132–136.
53. Тамразова И.Г. Эристика как «политическое поведение» // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*: научный журнал / Отв. ред. В.Д. Калиущенко. Донецк: ДонНУ, 2019. Т. 15. Вып. 1–2 (43–44). С. 100–107.
54. Тамразова И.Г. Эристическое речевое поведение: прямая и косвенная эристема / Е.Ю. Кустова, И.Г. Тамразова // Материалы научно-методической конференции «Университетские чтения 2019». Пятигорск: ПГЛУ, 2019. С. 124–128.
55. Тамразова И.Г. Эристические формы в практике перевода // «Языковое бытие человека и этноса». Сборник научных трудов по материалам XVI Березинских чтений / Под редакцией В.А. Пищальниковой, Л.Р. Комаловой. Том. Выпуск 21. М.: МГЛУ, ИНИОН, 2019. С. 56–64.
56. Тамразова И.Г. Эристика как эвокативное речевое поведение // «Теория речевой деятельности: вызовы современности». Материалы XIX международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. 06–08 июня 2019 г. М.: Ин-т языкознания РАН; РУДН, 2019. С. 211–212.
57. Тамразова И.Г. Эристика и речевая агрессия: проблемы дифференциации // Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы. М.: Государственный институт русского языка, 2019. С. 118–126.
58. Тамразова И.Г. Эристема как внутренняя форма: мемы в интернете и далее – везде // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. Москва, РУДН, 29 апреля 2020 г. Т. 2. Москва: РУДН, 2020. С. 290–298.
59. Тамразова И.Г. Эристическая тональность в аспекте перевода // Аутентичный диалог России и франкофонного мира в пространстве культуры, языка, литературы: материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 18–20 апреля 2019 года. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2020. С. 206–217.
60. Тамразова И.Г. Эристическая языковая личность: проблема имиджа // *Wizerunek jako kategoria teorii komunikacji, antropologii kultury i semiotyki tekstu* / Red. Aleksander Kiklewicz. – Wydawca: Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie, 2020. P. 357–368.
61. Тамразова И.Г. Речевая персонология: эристическая тональность и имидж политика // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*: научный

журнал / Отв. ред. В. Д. Калиущенко. Донецк: ДонНУ, 2020. Т. 16. Вып. 2 (48). С. 48–54.

62. Тамразова И.Г. Эристическая компетенция как лингвокогнитивная категория // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*: научный журнал / Отв. ред. В. Д. Калиущенко. Донецк: ДонНУ, 2020. Т.16. Вып.4. С. 67–78.

63. Тамразова И.Г. Эристическая интерпретанта как внутренняя форма политического демотиватора // *Жизнь языка в культуре и социуме – 8. Материалы международной научной конференции*. М., 2021. С.197–199.

64. Tamrazova I.G. Eristic as a component of rhetoric // *Modern Science*. 2016. № 9. С. 57–59.

65. Tamrazova I.G. Eristic speech behavior: the problem of delocutive image // *Scientific Journal «Modern Linguistic and Methodical-and-didactic Researches»*. 2020. № 1 (28). P. 48–57.